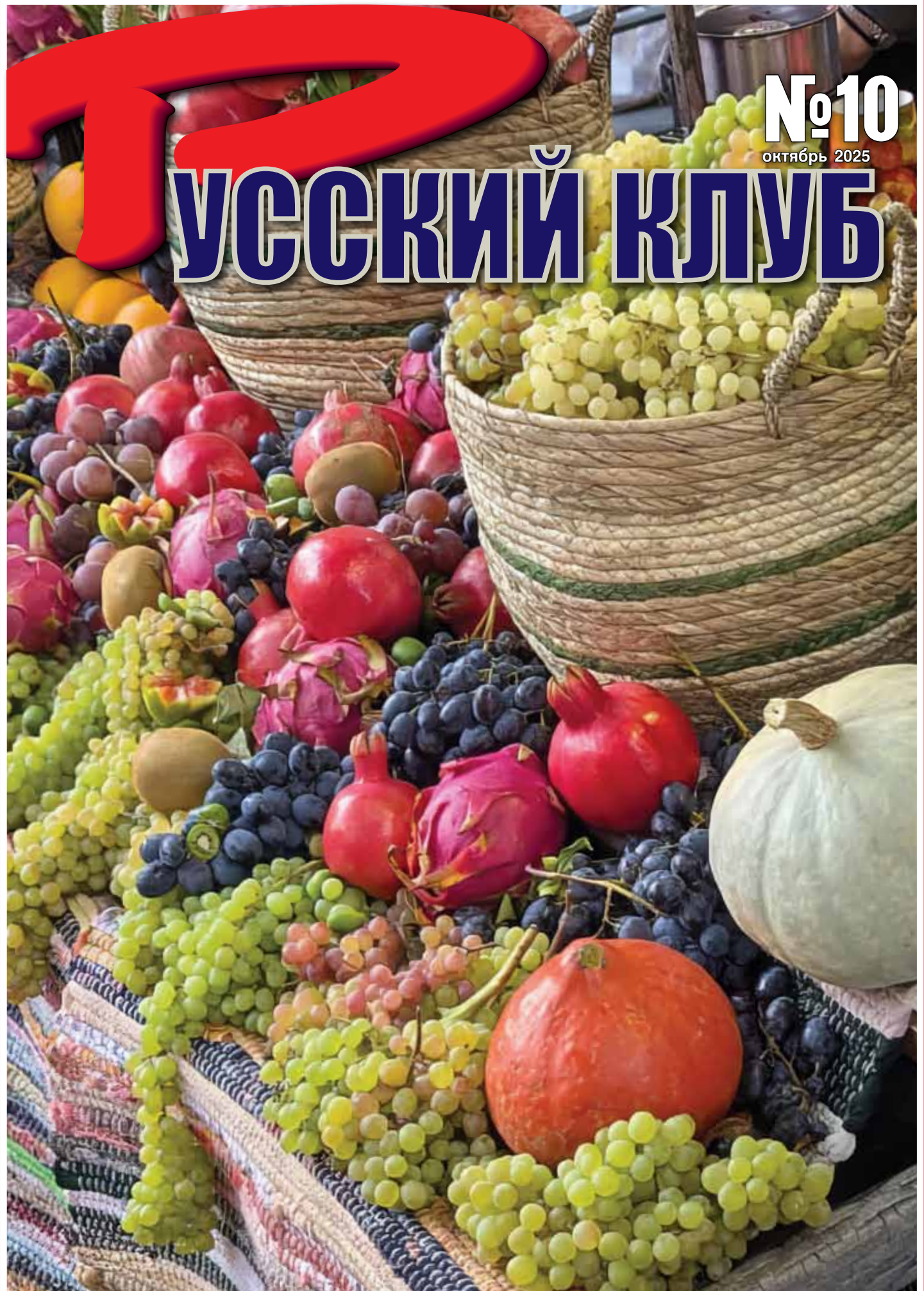

№10
октябрь 2025

РУССКИЙ КЛУБ

Фото: Серго ЭДИШЕРАШВИЛИ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№10 (240)
октябрь 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6** НАМ 20 ЛЕТ
- 10** ПРАЗДНИК ОСЕНИ В ТБИЛИСИ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 12** ВОССТАВШАЯ ИЗ ПЕПЛА
ВАДИМ АНАСТАСИАДИ
- 16** «НУ И АРТИСТ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 22** РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ОМАР ШУДРА
- 24** «НЕ НАДО БОЯТЬСЯ ЖИТЬ!»
АРТЕМ КОМАРОВ
- 28** ТАЙНЫ АННЫ КОВАЛЬЧУК
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 32** АНДРЕЙ БЕЛЫЙ: ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ С КАВКАЗОМ
НИНЕЛЬ МЕЛКАДЗЕ
- 36** СЛЕД ЖИЗНИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 40** ГРАНИЦЫ – ЭТО НЕ ДЛЯ ПОЭЗИИ
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 41** НЕБЕСНЫЙ СМОТРИТЕЛЬ
АНДРЕЙ КОРОВИН
- 42** ОТ КНЯЗЯ ДО КАТОЛИКОСА,
ОТ ПОЭТА ДО ДИРЕКТОРА ТЕАТРА
РУБЕН ПАШИНЯН
- 46** ФУТБОЛЬНЫЕ СТРАСТИ: В ШАГЕ ОТ ТРАГЕДИИ
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 50** НОВЫЙ УСПЕХ ТЕАТРА «АРИОН»
- 54** ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

На обложке – ТБИЛИСОБА 2025
Фото: Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ВИРТУОЗ И ЕГО 555 СОНАТ ДЛЯ КЛАВЕСИНА

Он был сыном выдающегося итальянского композитора Алессандро Скарлатти и родился в том же году, что Иоганн Себастьян Бах и Георг Фридрих Гендель. Естественно, что с ранних лет его будущее было предпрешено: музыка. Но свою славу Доменико Скарлатти, родившийся 26 октября 1685 года, заработал не оперой, как отец, написавший более ста штук, а сочинениями для клавиесина (одних сонат насчитывается ровно 555). И еще он считался «пианистом номер один» XVIII века.

А однажды в Риме в 1709 году произошло интересное событие, упрочившее его звание лучшего клавиесиниста. Молодой Доменико Скарлатти был тогда под покровительством польской королевы в изгнании — Марии Казимиры Собеской, поселившейся в самом Ватикане. Она любила устраивать музыкальные вечера и однажды пригласила принять в одном из них другого великого современника — Георга Фридриха Генделя. Решено было устроить между музыкантами своеобразное соревнование в мастерстве.

По тогдашней традиции «музыкальные поединки» были чем-то вроде придворного развлечения. Среди судей были и ватиканские кардиналы, гости из аристократической тусовки и, естественно, придворные музыканты.

Сначала оба музыканта играли на органе. Гендель уверенно победил: его опыт и немецкая школа органного исполнительства были непревзойденными. Но когда дело дошло до клавиесина, ситуация изменилась. Скарлатти, с его легкостью и феноменальной виртуозной техникой, оказался ничуть не хуже соперника. Современники даже говорили, что на клавиесине он затмил Генделя. Поединок Скарлатти с Генделем вошел в музыкальные легенды XVIII века, и его часто упоминают как один из редких примеров «музыкальной дуэли» без победителя, где оба лишь подчеркнули свое величие.

Любопытно, что соперничество музыкантов не поссорило, а напротив, они стали большими друзьями. Скарлатти настолько почитал музыку Генделя, что всякий раз почтительно вставал при звуках его произведений.

Жизнь Скарлатти была связана не только с Италией. Он много лет провел в Испании и Португалии, где служил придворным музыкантом и наставником инфанты Марии Барбары. Именно для нее он написал большую часть своих сонат. В испанский период его музыка обрела новый колорит: резкие ритмы, подражание гитарным аккордам, зажигательные танцевальные мотивы.

Сегодня эти сонаты звучат удивительно свежо: они полны ритмов фламенко, подражаний гитаре и даже звуков кастаньет.

При том, что Скарлатти был близок к сильным мира сего и монаршим особам, он отличался редкой скромностью. При жизни он был известен лишь как виртуоз и учитель, но не как великий композитор. Его сонаты долгое время считались «учебными пьесами», пока в XIX–XX веках их не открыли заново пианисты и музыковеды.

Скарлатти обожал карточные игры и иногда проигрывал больше, чем зарабатывал при дворе. Короче, богатым он не стал. А еще он был левшой, что, возможно, повлияло на необычную манеру игры. Его левая рука всегда звучит так же активно и смело, как правая. Он ввел в клавирную музыку приемы, имитирующие удары кастаньет и переборы гитары — своего рода мостик между Италией и Испанией.

ШОКОЛАД, ВЗОРВАВШЕЕСЯ ЯЙЦО... И ИСПОРЧЕННЫЙ ПИДЖАК

Осенью 1945 года некий инженер по имени Перси Спенсер из американской компании Raytheon, занимающейся изготовлением радаров, проводил испытания магнетрона — устройства, излучающего микроволны. И вдруг заметил, что плитка шоколада в его кармане превратилась в противную липкую массу, безнадежно испачкавшую внутренний карман. Расстроенный из-за испорченного пиджака, переодевшись в рабочий халат, заинтересованный инженер продолжил эксперименты. Теперь он выложил перед прибором зерна кукурузы в высокой банке — и впервые в истории получил попкорн. Воодушевленный Спенсер вместе с целой толпой сотрудников-болельщиков стали пробовать воздействовать микроволнами на разные предметы — подогревали принесенные из дома бутерброды, кипятили воду и расплавляли стеариновые свечи. Но один из следующих экспериментов оказался менее удачным: яйцо, помещенное рядом с магнетроном, не просто нагрелось, а взорвалось, обдав коллегу горячим белком. Пришлось оказывать первую помощь и мазать ожоги медицинской мазью. Но эти комичные случаи подсказали идею: если микроволны так быстро греют еду, почему бы не придумать специальный «кухонный нагреватель»? Так появился популярный ныне кухонный гаджет. Уже в том же 45 году Raytheon и Спенсер подали заявку на патент. Но первая промышленная микроволновка весила аж 340 кг и стоила как целый автомобиль. В домашние кухни она попадет только спустя двадцать лет, а прекрасное и удобное изобретение родилось из расплавившейся в кармане плитки шоколада и взорвавшегося яйца.

СТРОЕНИЕ АТОМА, ФУТБОЛ И... КОВБОЙСКИЕ ФИЛЬМЫ

Великий физик Нильс Бор родился 140 лет назад, 7 октября 1885 года. Он был одним из тех редких ученых, чьи идеи не просто расширили науку, а перевернули представление о мире. Датчанин из Копенгагена, он вырос в интеллигентной семье: отец был профессором физиологии, мать происходила из семьи еврейских банкиров. Главное творение Бора – планетарная модель атома (1913), где электроны движутся по орбитам вокруг ядра, как планеты вокруг Солнца. Сегодня это кажется наивным, но тогда это было открытием. Эта модель дала основу квантовой физике и принесла Бору Нобелевскую премию в 1922 году.

В Копенгагене Бор создал знаменитый институт, куда стекались лучшие умы Европы. Там рождались не только научные открытия, но и легенды. Например, именно там сформировалась «копенгагенская интерпретация» квантовой механики – идея, что в микромире реальность зависит от наблюдения. Сама атмосфера института Бора напоминала скорее уютный клуб: чай, бесконечные обсуждения и шутки. Его знаменитая фраза: «Противоположности не исключают, а дополняют друг друга», – стала девизом квантовой эпохи.

Во время Второй мировой войны Бору пришлось бежать из оккупированной Дании: его вывезли в Британию в рыбацкой лодке. После он активно работал в ООН и всю жизнь выступал за «открытую науку» и контроль над ядерным оружием.

Но Бор был не только гением, он был человеком с юмором. Говорят, над дверью его загородного дома висела подкова. Коллеги удивлялись: «Вы же не верите в приметы?» А Бор со смехом отвечал: «Конечно, не верю. Но мне сказали, что она помогает даже тем, кто не верит».

Бор в молодости играл в футбол на позиции вратаря. Его даже называли лучшим футболистом среди физиков и лучшим физиком среди футболистов.

А еще любимым досугом профессора были... голливудские вестерны. Эти фильмы, казалось бы, далекие от физики, он смотрел с удовольствием. И даже создавал забавные теории, почему положительный герой успевает выстрелить из револьвера первым. Его развлекали нелогичность сюжетов и их маловероятность. В очень смешной книжке 60-х годов прошлого века «Физики шутят» было приведено его мнение: «Я вполне могу допустить, что хорошенькая героиня окажется одна на извилистой горной тропе. Менее вероятно, но все же возможно, что мост через пропасть под ней рухнет. Исключительно маловероятно, что в последний момент она схватится за былинку и повиснет над пропастью. Совсем уж трудно, но все-таки можно поверить в то, что красавец ковбой как раз в это время будет проезжать мимо и выручит несчастную. Но чтобы в этот момент тут же оказался оператор с камерой – уж этому, увольте, я не поверю!»

Бор оставил после себя не только открытия, но и образ ученого с человеческим лицом: квантовый гений, который умел стоять на воротах, шутить про подкову и радоваться старым вестернам.

КОРОЛЕВА ДИАГОНАЛЕЙ И КРИВЫХ

Выдающегося архитектора, дизайнера интерьера и промышленного дизайнера Заха Хадид относят к Великобритании, хотя она родилась в Багдаде 31 октября 1950 года. Ее отец был предпринимателем и видным политиком Ирака, а мать – художницей. С детства Заха была окружена вниманием просвещенных родителей, которые постарались дать девочке первоклассное образование. Училась она в монастырской французской школе в Багдаде, потом на математическом факультете в Американском институте в Бейруте. Следующим этапом стала Школа архитектуры Архитектурной ассоциации в Лондоне на курсе мастеров Рема Колхаса и Элии Зенгелиса. И она стала архитектором. И в итоге перевернула представление о том, как могут выглядеть здания. Своим стилем – текучими формами, отказом от прямых углов, неофутуризмом – она выделялась сразу. Ее фраза «В начале была диагональ» стала символом ее подхода. Поначалу Заха Хадид работала над

проектами, часть которых осталась нереализованной. Материализация замыслов началась с разработки в 1990 году интерьера для ресторана «Моондзун» в японском Саппоро. Более известна другая ранняя ее работа в области архитектуры: оформление пожарной части германской мебельной компании «Витра» в 1994 году. А уже в 2004 году Хадид стала первой женщиной, получившей премию Притцкера. Среди ее проектов – Центр Гейдара Алиева в Баку, музей MAXXI в Риме, Олимпийский бассейн в Лондоне и здание Dominion Tower в Москве. Кстати, в 2012 году она спроектировала в подмосковной Барвихе коттедж для известной топ-модели Наоми Кемпбелл. А еще она проектировала и обувь, и мебель, и даже посуду.

Ключевая концепция, на которой основаны все архитектурные проекты Захи Хадид – создание знаковых объектов в стиле авангарда и футуризма.

Их особенности:

Нет прямых линий, только плавные, выверенные переходы сложных кривых, воплощенные в бетон и стекло алгебраических формул. Видимо, именно так проявило себя ее базовое образование на математическом факультете. Почетные звания «Королева кривой» и «Королева форм» вполне отвечают удивительной силе впечатления ее объектов.

Перспектива намеренно искажена.

Общий объем разбит на отдельные компоненты.

Ранние проекты отличаются угловатыми формами, поздние – криволинейными.

Заха Хадид не была замужем и не имела детей. И считала, что ее дети – это ее проекты и сотрудники, так что в какой-то степени своеобразная «семья» этой женщины была огромна. Хадид жила очень скромно, в историческом центре британской столицы в обычной прямоугольной квартире, о чем шутила: «Это не мой проект».

РУССКИЙ КЛУБ

НАМ 20 ЛЕТ

Уважаемая редакция журнала «Русский клуб»!

Примите искренние поздравления со знаменательной датой – 20-летием выхода в свет журнала «Русский клуб». Этот юбилей является свидетельством Вашей высокой профессиональной работы, преданности делу сохранения и развития культурных и духовных ценностей, а также уважения к традициям и истории.

Вы заслуженно снискали доверие и признательность широкой аудитории, играя особую роль в укреплении культурных связей.

Желаю коллективу журнала дальнейших успехов в реализации намеченных планов, вдохновения и новых творческих свершений.

С уважением и наилучшими пожеланиями,

Зураб АБАШИДЗЕ,
главный редактор
Грузинской Энциклопедии

Не могу не отметить с удовлетворением, что в Грузии издается весьма содержательный (с уникальными статьями), внешне привлекательный жур-

нал «Русский клуб». Это издание выделяется тем, что имеет в определенной мере культурологическую направленность. Здесь вы найдете информацию как о выдающихся деятелях Грузии, так и о выдающихся представителях мирового масштаба – ученых, писателях, деятелях различных областей искусства, спортсменах. Следует подчеркнуть, что предпринимается серьезная попытка, чтобы каждый опубликованный здесь материал содержал новизну, такую, с которой читатель знакомится впервые. В журнале публикуются весьма интересные диалоги, пишется также об эмигрантах. Одним словом, «Русский клуб» успешно доходит до читателя. Учредителем журнала является культурно-просветительское общество, во главе которого стоит крупнейший деятель грузинской культуры Николай Свентицкий, он же является руководителем проекта. Хочу также отметить, что успех журнала в значительной степени связан с тщательно подобранным авторским коллективом и его главным редактором – журналистом высоко-го профессионального уровня

Нино Шадури.

Двадцать лет – это небольшой срок, однако журнал, как полезное издание, достойно проявил себя.

Хочу пожелать успехов всему коллективу журнала. Пожелать журналу зеленый свет к сердцам читателей.

С глубоким уважением,

Роин МЕТРЕВЕЛИ,
академик, Президент
Национальной Академии
наук Грузии

В очередной раз ясно осознаю, как стремительно пролетают годы нашей жизни, наполненные множеством тревог и драматических событий.

Помню, словно это было вчера: мой университетский друг (он учился на русском отделении филологического факультета), талантливый поэт и спортивный журналист, ныне покойный Арсен Еремян, привел меня в редакцию только что созданного журнала «Русский клуб», которая находилась в здании театра имени Грибоедова, и предложил мне как гру-

зинскому писателю стать там консультантом, на что я с радостью согласился.

Именно тогда я познакомился с руководителем «Русского клуба», выдающимся деятелем искусства, наделенным редкими человеческими качествами, блестящим организатором и образцовым тбилисцем Николаем Свентицким, который осуществил много добрых начинаний и прекрасных проектов. И сегодня, спустя годы, он с поразительной самоотдачей посвящает себя этому крайне необходимому делу – международным культурным связям. Окруженный всеобщим уважением и любовью, Николай Свентицкий – истинный патриот нашей страны, радетель Отчечества, и он не раз доказывал это в трудные для Грузии времена. Мы часто общаемся – он говорит на таком изящном грузинском языке, что многие грузины могут позавидовать. Он всегда старается поддерживать и направлять талантливую молодежь – сколько ярких имен засверкало в искусстве его стараниями!

Мне сразу понравился и стиль, и дух, и направление журнала, главная цель которого прежде всего состоит в том, чтобы донести до зарубежного читателя грузинскую культуру и образ жизни. Этой цели журнал неукоснительно следует и сегодня. На протяжении многих лет журнал редактировал знаток своего дела, фотохудожник с самым изысканным вкусом и очень добрый человек Александр Сватиков. Его усилиями «Русский клуб» приобрел яркий и самобытный облик, став одним из самых привлекательных и популярных изданий в Тбилиси.

Александра Сватикова уже несколько лет заменяет Нина Зардалишвили-Шадури, филолог, высокообразованный специалист, прекрасно разбирающийся в различных областях литературы и искусства. Она самоотверженно внедряет актуальные новшества, обновляет рубрики и формат, расширяет круг авторов, чтобы «Русский клуб» становился еще более живым и интересным. Почти в каждом номере

рассказывается о важнейших событиях недавнего прошлого и современности, выдающихся деятелях, оставивших неизгладимый след в становлении многовековых культурных традиций, которые благодарные потомки продолжают и ныне.

Невозможно перечислить все достижения «Русского клуба» за всю его двадцатилетнюю историю. Я безмерно рад, что у моего родного и любимого журнала большие планы на будущее, и они не останутся просто планами. От всей души желаю всем авторам и сотрудникам «Русского клуба» больших творческих успехов в их благородном патриотическом деле.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ,
писатель

За что я люблю журнал «Русский клуб»? Я задался этим вопросом и решил, не мудрствуя, прямодушно ответить на него.

Люблю «Русский клуб» за красоту. Дизайн большинства номеров точен по форме и ассоциациям – то со значительным событием, то со временем года, то с юбилеем выдающегося деятеля... Другими словами – дизайн красив и содержателен.

Люблю «Русский клуб» за театральность. В издании, сложившемся при театре, она естественна и проявляется в разных жанрах: рецензиях, творческих портретах, исторических экскурсах, интервью и беседах с популярными актерами и режиссерами – все это сделано на хорошем уровне, профессионально и темпераментно.

Люблю «Русский клуб» за его влюбленность в Грузию, особенно в наш Тбилиси. Как много нового и интересного о родном городе узнали мы из очерков Володи Головина, год

назад ушедшего от нас!.. А недавно «Русский клуб» осуществил перепечатку моей давней книги «Расскажи мне о Грузии...», призванной познакомить заинтересованного читателя с нашей историей и культурой.

Люблю «Русский клуб» за название – спокойное, не закомплексованное, достойно откликающееся на злобу дня: в пору политической горячки оно исполнено уверенности в значимости и самодостаточности грузинской культуры и государства.

А еще я признателен друзьям из «Русского клуба» за интерес к моим писаниям последних лет: журнал печатает фрагменты начатой еще в Москве книги, над которой работаю по сей день – «След жизни», определенной мной как «коллекция житейского антиквариата», памятных для меня событий...

Чуть не четверть века возглавлявшему знаменитую «Дружбу народов» (к слову сказать, опубликовавшую не только нобелианта С. Алексеевича, но и все самое значительное из грузинской прозы от «Дата Туташиа» до «Годори»), «Русский клуб» казался мне некогда легковесным и слишком темпераментным. Это было мнение важного «толстяка» (так литературный сленг окрестил властителей дум минувшей эпохи – толстые литературные журналы), обремененного мировыми проблемами.

С годами я осознал ошибочность подобного мнения, ибо, как сказано в мудрейшей из книг, «в доме у Господа горниц много».

Обществу нужно такое издание, как «Русский клуб» – легкое, но не легковесное, красивое, но не гламурное, а главное – полное позитива, так недостающего нашему тревожному и растерянному времени!

Александр ЭБАНОИДЗЕ,
писатель

Позвольте мне, вашему многолетнему, верному и благодарному читателю, которым я являюсь практически со дня основания журнала «Русский клуб», сердечно поздравить вас со знаменательным событием – 20-летием со дня рождения.

Самое главное в вашем замечательном творчестве, на мой взгляд, – его исключительно значимое значение для благородного дела нерушимости и непрерывности русско-грузинских духовных и творческих связей. Красочным примером вдохновенного служения этой высокой цели является практически каждый номер вашего высокохудожественного издания.

Будучи вашим искренним другом и верным читателем на протяжении многих лет, раз за разом убеждаюсь, что высокая миссия служения духовной общности культур русского и грузинского народов является тем ядром, вокруг которого объединены буквально все, кто принимает участие в создании журнала.

В этой связи особо хочу отметить большую роль первого главного редактора Александра Сватикова и его преемницы Нины Шадури-Зардалишвили, а также совершенно особую роль вдохновителя всех творческих свершений, руководителя проекта Николая Свентицкого.

Необыкновенно высокий креативный и чисто челове-

ский потенциал руководителей как в зеркале отразился в исключительно талантливом и одаренном коллективе сотрудников редакции, куда каждый раз приходишь как на праздник к близким друзьям.

Особо хочу отметить, что для меня высокая честь быть членом редколлегии популярного «Русского клуба».

Демико ЛОЛАДЗЕ,
журналист, публицист

Я читаю почти все! Ну, почти все! Как говорил мой близкий друг, композитор Гия Канчели, даже сделав смелую дарственную надпись на партитуре своей второй симфонии: «Человеку, который любит собирать макулатуру!» Но конечно все не так просто! Я люблю читать все, что помогает мне, ненасытному любопытному человеку взглянуть на мир слегка по-новому, увидеть и узнать о том, что я не очень хорошо знал! Ваш журнал именно такой! Я с радостью беру его взволнованными руками и наслаждаюсь, узнавая новое об уже известных фактах! Приветствую вас, сегодня трудно иметь такое ценное издание! Поздравляю! От всего сердца!

Роберт СТУРА,
режиссер

Ваш журнал в моем восприятии – красивый, радушный домик, населенный талантливыми профессионалами.

Пребывание в этой обители доставляет радость и удовольствие. Здесь я понят, облакан и нахожусь в окружении великодушных, порой гениальных соседей. Прошу принять мои поздравления в связи с 20-летним юбилеем. С пожеланием долголетия и всеобщей любви.

Мураз МУРВАНИДЗЕ,
художник

От всей души поздравляю коллектив замечательного журнала «Русский клуб» с этой датой – 20-летием со дня основания. 20 лет – много это или мало? Исходя из темпа сегодняшней жизни, это безумно много – за эти годы в нашем сумасшедшем мире все радикально изменилось, и многое, увы, не в лучшую сторону. Но осталась одна примечательная константа – удивительная интеллигентная стабильность и очарование каждого номера вашего журнала. В эпоху сетей и электронных изданий это печатное издание (наследующее изобретению Гуттенберга) каждый месяц доказывает нам, что еще не вечер, что такие издания нужны тем, для которых перелистать страницы означает открыть еще одну дверь в мир добра, живого интереса к людям, к их судьбам, к великому искусству прошлого и к сегодняшним попыткам его создания. Похвального слова заслуживают журналисты «Русского клуба» в нашу сумбурную эпоху, когда слово «журналист» стало чуть ли не ругательным. Не называю имен, так как похвал достойны буквально все, кто принимает участие в этом очень нужном деле. И когда тучи разойдутся, и солнце вновь согреет нас, и восстановятся необходимые

отношения между на самом деле духовно близкими странами, мы сможем сказать, что в этом достижении есть немалая доля вашего, нашего издания. Да здравствует «Русский клуб» и все, кто ему служит. Да здравствуют ваши благодарные читатели! С днем рождения!

Юрий МЕЧИТОВ,
фотограф

Лет 15 тому назад, будучи в Москве на мероприятиях Международного совета российских соотечественников, я узнал о «Русском клубе» от Николая Свентицкого, театрального деятеля и организатора многих культурных проектов. И вскоре «Русский клуб» опубликовал мою беседу со Свентицким и еще одну статью. Мне понравился и внушил уважение профессионализм в деятельности «Русского клуба» – на благо культуры Грузии и России. С тех пор у нас сохраняются добрые отношения. Недавно «Русский клуб» разместил на своем сайте фильм обо мне – «Искусство преодоления», сделав мне тем самым приятный сюрприз. Я желаю «Русскому клубу» сохранять высокий уровень активности, желаю энергии и удачного воплощения творческих планов, словом, продолжать культурную работу в том же направлении и духе, который мне известен.

**Князь Никита Дмитриевич
ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ**

Дорогие друзья из «Русского клуба», поздравляю вас с замечательной датой! Я думаю, что сегодня вы получили бы поздравления от всех русских литераторов, начиная от Пушкина с Лермонтовым и кончая Пастернаком и Заболоцким. Нечего и говорить, что все сегодня живущие русские поэты горячо приветствуют дорогой им проект, который выражает верную дружбу двух великих поэтических культур: грузинской и русской. Проект этот делается людьми, отлично сознающими, как плодотворны друг для друга ритмы и язык Пушкина и Руставели, Бараташвили и Пастернака, Ираклия Абашидзе и Александра Межирова – можно долго перечислять эти имена, близкие друг другу, словно родные братья. Мы, люди, имеющие отношение к переводу замечательных грузинских поэтов, составляющих славу европейской поэзии, счастливы, что, благодаря вам, имеем возможность сказать (извините за переводческую самоцитату из Тициана Табидзе):

*Бессмертно солнце наше!
Нет еще грузина,
чтоб перед смертью
он забыть об этом
мог!*

Огромное вам спасибо и самых разнообразных удач! Обнимаю всех, кто занят в вашем и, надеюсь, нашем замечательном проекте.

Юрий РЯШЕНЦЕВ,
поэт, переводчик

От всей души поздравляю с замечательным юбилеем грузинский «Русский клуб», деятельность которого подтверждает (и укрепляет) животворную вековую связь двух великих культур.

Юлий КИМ,
поэт, драматург

Друзья мои!

В безумии сегодняшних дней я не представляю, чего вам стоит оставаться самими собой и продолжать радовать читателя. Я только знаю, что это непросто. С юбилеем вас! И – до 120!

Андрей МАКАРЕВИЧ,
музыкант, поэт

ПРАЗДНИК ОСЕНИ В ТБИЛИСИ

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

В этом году впервые столица Грузии отметила Тбилисоба двумя неделями раньше, в сентябре, так как традиционное время проведения праздника, начало октября, совпало с выборами в органы местного самоуправления. Однако перенос даты никак не повлиял на праздничный настрой – Тбилиси вновь порадовал горожан и гостей города фейерверком красок. Основные мероприятия проводились на Рике, в Абанотубани, на улице Атонели, площадях Европы и Орбелиани.

На протяжении двух дней, начиная с полудня до позднего вечера, жизнь в Старом Тбилиси была ключом. Десятки тысяч человек, невзирая на сильный ветер, с удовольствием гуляли по красочно оформленным улицам, смотрели театрализованные представления, выступления детских вокальных и хореографических ансамблей и, конечно же, пробовали традиционные блюда праздника – шашлыки, хачапури, горячий пеламуши с грецкими орехами, чурчхелы, пили вино от ведущих виноделов страны. Гастрономический уголок на Рике, как всегда, пользовался особой популярностью среди посетителей.

Праздничный «осенний сад» саженцевого хозяйства «Гардения», как всегда, утопал в зелени, только, в отличие от предыдущего Тбилисоба, в этот раз Зураб Шеварднадзе добавил совершенно неожиданный элемент декора в виде хрустальной люстры, очень похожей на ту, которая висит в оперном театре. «В День города «Гардения» постаралась

во всей красе представить плоды своего кропотливого труда. В нынешнем году особенно много гостей, с раннего утра нет отбоя от посетителей. Эта огромная люстра смотрела на нас с неба, смотрела, смотрела и упала прямо на площадь Орбелиани», – в шутку сказал Зураб. Перед взором зрителей предстал великолепно сервированный стол с хрустальными бокалами, фарфоровыми и фаянсовыми суповниками, бутылкой шампанского в ведерке со льдом, и весь этот фейерверк шика украшали оранжевые хризантемы. Позади стола стояли старинные керамические вазы, словно сошедшие с фресок Древнего Рима, они были заполнены разноцветными розами. На траве стояли горшки с красными и белыми гладиолусами, дороникумами (цветы, похожие на ромашки, только с ярко-желтыми лепестками), хризантемами. На сене были сделаны декоративные композиции из желтых тыков, красных и зеленых яблок. Все посетители имели возможность сделать фото на память. И прав-

да, желающих сфотографироваться было столько, что очередь регулировали представители городского муниципалитета.

На площади Орбелиани была организована ярмарка с продукцией женщин-предпринимателей, любителей сладостей ждал большой ассортимент кондитерских изделий, поэтому как дети, так и их родители могли побаловать себя: свежее выпеченные вафельные трубочки с начинкой, разнообразное мороженое, кексы, мафины, булочки с корицей разлетались в считанные минуты. Приверженцы фастфуда могли попробовать сэндвичи с сосисками и пиво «ручной работы». Здесь же можно было приобрести марочное вино, различные сорта грузинского сыра, мед. Особенно большая очередь выстроилась у стенда «Вод Лагидзе», где продавцы в фирменной униформе едва успевали наполнять стаканы знаменитыми напитками.

Парк Рике отличался многообразием мероприятий, особенно он порадовал детей, для которых организаторы придумали увлекательные игры. В нескольких точках парка художники поставили мольберты и разрисовывали лица детей разноцветными узорами. В импровизированном кинотеатре под открытым небом можно было посмотреть известные грузинские мультфильмы и кинокартины. Спортивные состязания не испытывали недостатка в зрителях: турниры по шахматам, шашкам и грузинской национальной борьбе «чидаоба» проходили в сопровождении известной мелодии «Сачидао», созданной Ревазом Лагидзе. Справа от центрального входа расположились лотки отечественных предпринимателей, которые продавали свою продукцию: майки, матерчатые сумки, кожаные портмоне, парфюмерию, игрушки, различные аксессуары из дерева. Все эти изделия – ручная работа.

Абанотубани на два дня превратился в выставку изделий народного промысла представителей диаспор, проживающих в Грузии. Помимо декоративной посуды, украшений, изделий из текстиля, здесь можно было отведать и приобрести кондитерские изделия и алкогольные напитки – например, традиционную пахлаву и азербайджанский чай в стеклянных стаканах, армянский суджук и коньяк, греческие

оливки и кофе.

Кульминацией насыщенной двухдневной программы стало награждение новых почетных граждан Тбилиси. Во Дворце церемоний состоялся торжественный прием от имени мэра Тбилиси Кахи Каладзе. На мероприятии присутствовали аккредитованные в Грузии представители дипломатического корпуса, члены парламента, художники, спортсмены, ученые. Каха Каладзе поздравил собравшихся с главным праздником столицы – «Тбилисoba 2025». По словам мэра столицы, почетным является каждый гражданин, который заботится о городе, протягивает руку помощи нуждающимся, честным трудом служит стране. «Мы и в этом году не нарушим традицию и за особый вклад в развитие Тбилиси наградим людей, которые точно знают, что «Почетный гражданин Тбилиси» – это не просто звание, но, прежде всего, большая ответственность перед страной, народом, перед Тбилиси и тбилисцами», – сказал Каха Каладзе. По его словам, Тбилиси – город, выдержавший на протяжении веков бесчисленные испытания, многократно восставший из пепла, всегда полный жизни, продолжающий с молодежным задором двигаться вперед. «Мы находимся в самом сердце Тбилиси, над нами возвышается Нарикала – цитадель города, Мтацминда – место упокоения великих сынов отечества, внизу – Сололаки и шумный Абанотубани, рядом Метехи, Авлабари, Чугурети. Здесь каждое место, каждая улица хранит великую историю, но Тбилиси – это не только достопримечательности и древняя архитектура. Наш город идет в ногу со временем, развивается, бережет свою историю и закладывает фундамент будущего», – отметил мэр. Он назвал имена тридцати новых почетных граждан Тбилиси, вручил им грамоты и символические ключи от города. В этом году звание было присвоено актеру театра и кино Гоге Пипинашвили, композитору Давиду Евгенидзе, дипломату и ученому Зурабу Абашидзе, журналисту и политику Арчилу Гогелия, актеру театра и кино Георгию Бурджанадзе, певице Нанули Абесадзе, художнику Николозу Шенгелая и другим деятелям культуры и науки Грузии.

Фото автора и с сайта мэрии Тбилиси

ВОССТАВШАЯ ИЗ ПЕПЛА

■ **Вадим АНАСТАСИАДИ**

30 лет назад в восстановленной Тбилисской первой классической гимназии вновь зазвенели ребячьи голоса

Тбилисская гражданская война (декабрь 1991 – январь 1992 гг.) была короткой, но кровавой и жестокой. Горожане засыпали и просыпались под звуки оружейных залпов. Сообщения о все новых и новых жертвах и разрушениях передавались из уст в уста. Увы, не обошла эта бойня стороной и близких мне людей. Погиб в братоубийственном противостоянии сын моей коллеги по молодежной газете, выросший, можно сказать, на моих глазах. И вот теперь, в самые первые дни января, его – уже молодого мужчину, супруга и отца, уносят на кладбище.

Но все, как известно, имеет не только свое начало, но и конец. В ночь на 6 января 1992 года стрельба прекратилась. К Звиаду Гамсахурдия, совсем недавно пришедшему к власти на волне народного ликования, а в последние дни – державшему неравную оборону в своем т.н. «бункере» в Доме правительства в Тбилиси, на помощь так никто и не пришел. Вместе с горсткой своих сторонников он был вынужден покинуть Тбилиси.

В первый же «мирный» день

толпы тбилисцев повалили на проспект Руставели. Их взору предстала ошеломляющая картина. Города, который они знали и любили, который твердо возвышался здесь еще две недели назад, фактически не существовало. Направо – руины. Налево – руины. Орудийные залпы и огонь обезобразили гостиницу «Тбилиси» и Дом связи, но особенно пострадали Дом правительства и окружавшие его здания, оказавшиеся в эпицентре боев. Камня на камне не осталось от бывшей гостиницы «Интурист». От знаменитой первой школы сохранился лишь остов здания, глядевший на прохожих пустыми глазницами окон.

Люди все шли и шли, в растерянности смотрели на эти мрачные развалины. Не верили своим глазам. И каждый молча задавался вопросом: сколько же времени понадобится на то, чтобы вернуть израненному городу прежний облик?

Первой руку помощи тбилисцам протянула Москва. В марте 1992 года в Грузию возвратился Эдуард Шеварднадзе, а вскоре в Тбилиси прибыла представительная делегация российской столицы, возглавляемая тогдашним мэром Гавриилом Поповым и вице-мэром Юрием Лужковым. Журналисты, столпившиеся у резиденции тогдашнего председателя Госсовета Грузии, при-

стально следили за каждым шагом делегации из Москвы.

И вот переговоры закончились. Подытоживая на коротком брифинге проделанную за время визита работу, Гавриил Попов, в частности, сказал: «Московская мэрия возьмет на себя все расходы, связанные с восстановлением и реконструкцией тбилисской первой школы».

Несколько месяцев спустя один влиятельный политик в беседе со мной посетовал: «Мы не должны были отдавать дело восстановления первой школы в чужие руки. Первая школа – это святое. Привести ее в должный вид следовало нам самим!» Что ж, в логике моему собеседнику не откажешь. Но и Гавриил Попов с Юрием Лужковым не были дураками. Зачем им было, спрашивается, заниматься восстановлением тбилисских отелей, Дома связи или даже самого Дома правительства? Ответ на этот вопрос лежал на поверхности: сами разрушили – сами и отстраивайте! Первая же школа, культурно-просветительский очаг, зажженный в свое время русскими людьми в Грузии, – другое. Первая школа – это разумное, доброе, вечное! Этим и руководствовались оба московских градоначальника: вначале Гавриил Попов, а затем и пришедший ему на смену Юрий Лужков.

Из архивов Тбилисской первой классической гимназии:

«По высочайше утвержденному 8 августа 1803 года проекту князем Павлом Дмитриевичем Цициановым было создано в Тифлисе 21 мая 1804 года Благородное училище для обучения российскому и грузинскому языкам. В 1807 году, кроме установленных наук, было введено еще изучение немецкого и латинского языков. Учащиеся, окончившие курс, получали право поступить на казенное содержание в Московский университетский благородный пансион для продолжения обучения».

26 лет Тифлиское благородное училище было единственной светской школой в Грузии. В это время здесь учились Соломон Додашвили, Дмитрий Кипиани, Георгий Эристави.

В 1820 году в Благородном училище (впоследствии гимназии) преподавались: Закон Божий, русский, грузинский, турецкий (азербайджанский), армянский, латинский и немецкий языки, арифметика, алгебра, геометрия, история России и Грузии, общая география, рисование и живопись.

С самого создания гимназия была прекрасно обеспечена учебниками и внеклассной литературой. Гимназическая библиотека была предметом особой заботы членов Совета директоров. Книжный фонд в середине 80-х годов XIX века составлял 15 766 экземпляров. Учащиеся готовили спектакли на иностранных языках; имелся свой собственный оркестр, сформированный из учащихся старших классов.

Кроме общеобразовательных предметов, в гимназии велись уроки музыки и танцев, гимнастики и фехтования; служили православный и армяно-григорианский священники, римско-католический и лютеранский пасторы, иудейский и магометанский законоучители.

В 1906 году в гимназии обучались уже 918 учеников.

Из интервью с мэром Москвы Юрием Лужковым, 1994 год: «С Тбилиси меня связывают самые теплые воспоминания. Будучи студентом, я однажды на трое суток застрял в Тбилисском аэропорту – была нелетная погода. Во время путешествия поистратился

– денег не было. И все эти три дня меня кормила своими припасами одна бабулька, встретившаяся в аэропорту. По сей день вспоминаю ее добрым словом!»

Эта стройка в самом центре грузинской столицы началась и закончилась на глазах многих тысяч горожан. Все можно было увидеть невооруженным глазом. Достаточно было выйти на проспект Руставели, и взору представляли непрерывно работающие башенные краны, снующие взад и вперед грузовые автомобили. Откуда-то появились столь редкие в то время строительные материалы. В городе, задыхавшемся от безработицы, переживавшем хаос и разруху, выставшем в длинных очередях за самыми элементарными продуктами питания, это было похоже на луч света в мрачном царстве...

Из архивов Тбилисской первой классической гимназии:

Здание Благородного училища, возведенное в центре Тифлиса, на бывшей Царской площади, было построено по проекту А.И. Мельникова. Здание включало в себя и пансионат для части учеников. Эта особенность и была положена в основу функциональной группировки внутренних помещений. Обширный цокольный этаж был отведен для обслуживающего персонала, пекарни и кладовых. Первый этаж, кроме парадного вестибюля, содержал канцелярские комнаты, кухню, столовую, книжную лавку и другие помещения. Второй этаж был предназначен для учебных целей. В центре его со стороны лицевого фасада, соответственно

положению портика, располагался актовый зал, по другую сторону коридора размещались классные комнаты. Третий этаж был отведен под спальни учеников и другие второстепенные помещения. Лестничная площадка на третьем этаже была оформлена пилястрами и строгими лепными украшениями.

В разное время первую Тбилисскую классическую гимназию окончили Николоз Бараташвили, Виссарион Гогоберидзе, Сергей Витте, Михаил Грушевский, Иванэ Джавахишвили, Иван Ермаков, Иванэ и Давид Кереселидзе, Борис и Георгий Легран, Владимир Немирович-Данченко, Александр Сумбаташвили, Илья Чавчавадзе...

В 1900-1903 гг. в школе учились Дмитрий и Николай Гумилевы – братья сначала поступили во 2-ю Тифлискую гимназию, но очень скоро перешли в 1-ю.

Директорами гимназии в разные годы были Карл Чермак, М. Карпинский, Леонард Зубалов, а преподавателями: К.Ф. Ган, И.А. Шестаков, Петр Умиков, Иванэ Кереселидзе, Мирза Фатали Ахундов, Мирза Шафи Вазех... Вот такой интернациональный коктейль.

...Впрочем, быстро только сказка сказывается, да нескоро дело делается. То, на что разрушителям Тбилиси понадобилось несколько дней, отстраивалось тяжело, целых три года, но и они, наконец, пролетели. Торжественное открытие вновь восставшего, словно Феникс из пепла, учебного заведения было приурочено к началу учебного года – 1 сентября 1995 года. Накануне из Москвы в

Фото Серго Эдишерашвили

Тбилиси прибыл мэр Юрий Лужков. Вместе с ним прилетела его заместитель Людмила Швецова, которая на заключительном этапе курировала строительство гимназии, да и впоследствии не обделяла школы Грузии своим вниманием.

На церемонию открытия пожаловали руководители правительства Грузии и мэрии Тбилиси. Было сказано много приветственных и благодарственных слов. Не забыли и Гавриила Попова, инициировавшего поездку в разрушенный Тбилиси в 1992 году.

А потом в отстроенном здании прозвенел первый звонок, и в его коридорах вновь зазвучали детские голоса. Все возвратилось на круги своя. Первая гимназия в столице Грузии стала тем, чем она была всегда: сеятелем доброго, разумного, вечного.

Автор еженедельника «АиФ», описывая свое путешествие в Тбилиси, поделилась таким наблюдением: «Удивительное дело: в Грузии, прославившейся своими кепками-аэродромами, кепок я почти не встречала. Отыскала всего две кепки. Одну – на японском туристе, а вторую... на портрете Юрия Лужкова в музее Тбилисской первой классической гимназии!»

Из публикации журналистки Мзии Паресашвили: «Многие родители в Тбилиси мечтают, чтобы их дети азы науки постигали в первой классической

День открытия гимназии. В центре – Юрий Лужков

гимназии Тбилиси. Это учебное заведение – действительно первая во многих отношениях школа. Именно здесь обучались многие известные грузинские писатели, поэты, общественные деятели».

На стенах гимназии – мраморные плиты с именами известных выпускников. Среди них, правда, нет фамилий современных политиков и общественных деятелей. Но Тамаре Идоидзе, 73-летней уборщице с 40-летним стажем работы, с которой автор этих строк беседовал вскоре после торжественного открытия школы, нетрудно было вспомнить их имена. Например, бизнесмен Бадри Патаркацишвили своей добротой как в детстве, так и в зрелом возрасте особо запомнился Тамаре: «В эти трудные годы Бадри много денег пожертвовал

на помощь педагогам!»

В том году Тамара Идоидзе одна убирала на третьем этаже все комнаты, а их – 18. Трепет у нее вызывал актовый зал. Приоткрывая его двери, Тамара Идоидзе с гордостью произнесла: «Первый грузинский спектакль «Развод» Георгия Эристави в 1850 году здесь был поставлен...».

У школьной уборщицы, когда она начинала рассказывать историю гимназии, в голосе звучали благоговение и восхищение, и эти эмоции передавались собеседнику. Она с сожалением напомнила, что все уникальные экспонаты школьных

лабораторий и библиотеки были уничтожены во время гражданской войны...

«Теперь школа заново построена, спасибо фонду Юрия Лужкова. Тогда Россия и мы хорошо ладили между собой», – вздохнула Тамара.

...Знакомый пейзаж проспекта Руставели – памятник Илье Чавчавадзе и Акакию Церетели, двум великанам грузинской культуры. Памятник установлен перед зданием Тбилисской первой классической гимназии, казалось бы, недавно – в советские годы, но сколько за это время произошло событий и свидетелями каких только историй эти два скульптурных персонажа не стали. Сумей они заговорить – этим историям не было бы конца.

В Земо Магаро прошел Фестиваль семейных марани Кизики «Хлеб и вино 2025». Организаторы – культурно-просветительский центр «Кера» имени Соломона Додашвили (филиал «Кавказского дома» в Земо Магаро), центр культурного туризма «Лаги эзо» («Вольный двор») и проект «Гадаварчинот сопели» («Спасем село»). Цель фестиваля – привлечение внимания к деятельности селян и оказание им помощи.

На фестивале были представлены работы мастерских села Нукриани, вина местных виноделов, которые продолжают традиции предков в виноградарстве и производстве вин.

Борис Казинец

«НУ И АРТИСТ!»

— Инна БЕЗИРГАНОВА

«Он появился на свет в легендарном московском роддоме №7 имени Григория Грауэрмана, где в разное время родились Булат Окуджава, Олег Ефремов, Марк Захаров, Александр Ширвиндт, Александр Збруев, Михаил Ножкин, Андрей Миронов... Беременность и роды были сопряжены с большими проблемами для матери. Она с трудом выносила ребенка, пришлось даже лечь в больницу на сохранение, а потом родить путем кесарева сечения. Когда будущего народного артиста вынули из материнской утробы, он глубокомысленно молчал. Опытный фельдшер взял новорожденного молчуна за ножки, перевернул вниз головой и стукнул по попке, что немедленно возымело действие: младенец заорал что есть мочи, и стоявший рядом доктор с изумлением воскликнул: «Ну и артист!» Эту историю Борису Михайловичу Казинцу рассказала мать». Так начинается книга об артисте под названием «Закон вечности Бориса Казинца». В октябре ему исполнилось 95.

— Это действительно было! — вспоминает Борис Михайлович. — У нашей ростовской соседки Ольги Даниловны был большой круглый стол, покрытый бархатной скатертью с золотыми кистями по моде тех лет. Ее муж работал в Торгсине, имел кое-какие возможности и приносил домой вкусную еду. Под столом у соседки была металлическая ваза, в которой лежали пряники. Я их потихоньку ел и однажды, когда взрослые сидели за столом и беседовали, из-под стола

неожиданно появился я и громко заявил: «Выступает Боба Казинец!» Бог знает, что пробудило во мне интерес к театру. Мама-то была портнихой, модисткой, подрабатывала в пошивочном цеху Ростовского драматического театра имени Горького, там прилично платили. Она шила Вере Марецкой, цирковым артисткам сестрам Кох. Я, конечно, видел и Марецкую, и Юрия Завадского, и других театральные звезды, но тогда не знал, кто они такие. Наверняка детские впечатления посеяли во мне какие-то зерна, которые позднее проросли. Это было еще до эвакуации.

— Какие книги, фильмы, события повлияли на вас? В юности, в зрелые годы?

— Фильм «Чапаев». Мы же с ума сходили, надеясь, что Василий Иванович сможет переплыть реку Урал. Мы действительно очень переживали, а слабонервные кричали, глядя на экран: «Налево! Направо!» — советовали Чапаеву, куда плыть... В школьные годы самое большое впечатление произвел Гоголь — «Мертвые души» и другие его произведения. А первая сценка, которую мы разыграли с моим другом, одноклассником Толечкой Борисовым в школьной самодеятельности — он был худой, длинный, а я чуть поплотнее — «Толстый и тонкий» по рассказу Чехова. Позднее я навсегда прикипел душой к Чехову и Гоголю, особенно к Гоголю. К концу своей творческой жизни поставил моноспектакль по «Мертвым душам», сыграл в нем более 20 персонажей.

А вскоре наступили трагические дни войны. Папа 22 июня был в Ленинграде. Там проходило совещание корреспондентов со всего Союза, а отец работал спецкором «Известий» по югу России. В первый же день он пошел в пункт призыва, ему выдали форму и назначили командиром в дивизию, не разобравшись, что он журналист. Но потом поняли свою ошибку и определили в редакцию фронтовой газеты заместителем редактора. Сохранилась фотография того первого дня — папа пошел на Невский проспект и сфотографировался. А мы с мамой оставались в Ростове. Немцы очень быстро наступали и были уже в Таганроге, когда маме позвонили из обкома партии: «Идочка, мы знаем, какая ты хозяйка. Приехал секре-

тарь Одесского горкома партии Николай Голуб, мы бы не хотели его устраивать в гостиницу, у него туберкулез». И этот человек нас фактически спас. Мама его приняла, кормила до отвала, чтобы как-то поддержать. Когда немцы приблизились к Ростову, Голуба вместе с женой Таисией собрались эвакуировать. А они в обкоме партии заявили, что без нас никуда не поедут. И нас забрали с ними. Помню, на пароходе с забавным названием «Марксистка» мы добрались до Перми, а потом на машине — до села Карагай. Это был райцентр Карагайского района Пермской области. Николай Голуб стал секретарем райкома. Нас с мамой поселили к какой-то женщине. У нее была дочка Тася. Красивая, рыже-волосая, здоровая девушка! Она уже рулила трактором — пахала для фронта. А мама в эвакуации работала медсестрой в госпитале, к тому же шила в ателье трехпальцевые варежки для фронта, чтобы можно было пользоваться оружием. Все перевыполняли нормы. Я учился. Вечерами в полуразрушенной, полусамерзшей сельской церкви показывали кино. Привозили фильм по частям из соседнего села. Посмотрим одну часть, а потом ждем, когда привезут следующую. А то, что мы уже посмотрели, мальчишки везли в соседнее село. Случалось, ждали по полночи — гонцы то опаздывали, то отвозили пленку не туда. Я помню эту церквушку, в которой учитель литературы — типичный русский интеллигент в очках, с длинными волосами, занимался с драматическим коллективом. Там я впервые увидел, что такое театр. Они играли «Бедность не порок» Островского. Пьесу, абсолютно не имеющую отношения к войне, но со своей моралью. В комедии Островского была роль мальчика, которого все время по уху бьют. Его играл я. Бегал, носил разные вещи по ходу действия...

Моя потребность в театральности подпитывалась не только этим — я очень любил комедию «Веселые ребята» с Леонидом Утесовым и Любовью Орловой, особенно восхищался Утесовым, который играл пастуха Костю. И я пошел к пастухам — владельцы каждое утро выводили свой скот на тракт, откуда пастухи забирали животных и отправлялись на луга для того, чтобы они потом давали хорошее молоко. Я к ним при-

строился, конечно, не из-за коров — мне хотелось иметь большой пастушеский кнут, как у Утесова. Тогда серьезно заболела мама, и отца в связи с этим отпустили с Волховского фронта. Помню, как мы ждали его приезда. Потом они с мамой уехали к какому-то знаменитому профессору в Пермь, а я остался дома. Пермский светил поставил маме не такой страшный диагноз, как предполагалось вначале. Сделали ей операцию, и папа уехал.

Из Карагая мы уехали в 1943 году. Наша армия перешла в наступление. Сашу Балабана, одного из раненых офицеров, назначили военкомом Карагайского района. Он дружил с мамой и сказал, что нужно отправить официальное письмо в Ростовский обком партии с просьбой прислать вызов. И я написал письмо первому секретарю Николаю Патоличеву. Вызов пришел. Но для того, чтобы уехать со станции Менделеево, куда мы приехали на санях из Карагая, надо было остановить поезд — на этой станции поезда дальнего следования не останавливались. Саша Балабан из забора выломал палку, к ней привязал большую трехлитровую банку, на которой было написано: «спирт». Когда скорый поезд Владивосток — Москва уже подъезжал, Саша поднял палку с банкой, и поезд начал останавливаться. Машинист крикнул: «В первый вагон, быстро!» Мы с мамой втиснулись в первый вагон и отправились в Москву. Мамины сестры Анечка и Сарочка были уже в столице — тоже вернулись из эвакуации. Они сказали: «Что вы поедете в разрушенный Ростов? Хотя бы полгода поживите в Москве с нами!» Я учился в школе номер 593 на Садово-Кудринской. Мы жили на этой же улице в полуподвальном, но очень удобном помещении. А рядом с домом тети Ани стоял особняк Лаврентия Берия. На Садово-Кудринской, 8 находился и другой особняк, он до сих пор существует, потому что там жил молодой Чехов, приехавший из Таганрога. Сейчас это музей. Так что я жил между Берия и Чеховым...

Потом мы вернулись в Ростов, наш двухэтажный дом уцелел, хотя все здания вокруг были разрушены. Дворничиха Васильевна сохранила нашу квартиру. Там жили румынские военные, пока немцев не выбили из горо-

да. В этой квартире на втором этаже я провел остальную часть своего детства. Самым большим потрясением стало, когда еще во время войны мама повела меня во Дворец пионеров. Она подружилась с директрисой и особенно — с ее заместителем Лидочкой Музыченко. Она очень следила за тем, чтобы из Дворца пионеров я не заглянул в какие-нибудь ростовские трущобы. Я записался во все кружки — литературный, кораблестроительный, авиастроительный, балетный. Нонна Группман была моей партнершей, с ней мы плясали танец английских моряков. Помню, мама сшила мне белые брюки-клеш, на мне был стильный белый берет. А однажды я вошел в большой зал Дворца пионеров и увидел на сцене людей. Любовь Георгиевна Черненко была руководителем драматического кружка. С этого все и началось. Я играл грибоедовского Скалозуба, пушкинского Цыгана. Наш коллектив прославился на весь Советский Союз. Любовь Георгиевна поставила у нас «Кота в сапогах». За роль Любоеда в этом спектакле я получил грамоты. Черненко вселила в меня уверенность, что я могу играть. В 1948 году я поехал в Москву поступать в театральный, сдавал

«Требуется лжец»

«Человек, который платит»

Стенли Ковальский из «Трамвай «Желание» Теннесси Уильямса? А скольких Дон Жуанов и Дон Хуанов я сыграл – Лопе де Вега, Кальдерона, Тирсо де Молина... Расскажу один случай. Я работал в Грибоедовском театре, в котором уже через три года получил звание заслуженного артиста, и вдруг узнал, что в Рязанский театр приехал работать Анатолий Эфрос. Я звоню в Рязань и представляюсь директору. «Моя мечта хоть один спектакль сделать с этим человеком!» – «Что вы хотите?!» – «Хочу приехать к вам и сыграть какую-нибудь роль у Эфроса!» И у меня с языка сорвалось: «Учителя танцев!» – «Вы что, танцуете?» А я-то танцевал будь здоров! «Знаете что, позвоните через пару дней!» – сказал мой рязанский собеседник. Я позвонил. Он к этому времени поговорил с Эфросом, и тот распо-

в разные вузы – и всюду облом. И вот господин случай! Я вышел из ГИТИСа в расстроенных чувствах – не нашел свою фамилию в списках. И пошел в сторону театра Маяковского. На воротах театра увидел объявление о том, что Московское городское театральное училище объявляет набор. Художественным руководителем этого учебного заведения был Владимир Васильевич Готовцев – выдающийся театральный деятель, соратник Константина Станиславского. Счастье, что я попал туда.

В юности я часто приходил к своей сестре Стеллочке, тете Саре, где меня пригласили. Общался и с сестрой Иннушкой – она сегодня на пенсии, живет в Америке, как и мы с женой Светланой. Инна стала одним из крупнейших научных работников Пентагона. Мужем Стеллочки был полковник Борис Прозоров. Когда он услышал о моих мытарствах, связанных с поступлением в театральный, то сказал: «Оденься получше и пошли!» И мы отправились в дом в Елисеевском переулке. Там проживали мхатовцы, среди них – известная актриса. Она была замужем за генералом – приятелем Бориса Прозорова. Мы ему все рассказали. Генерал позвал жену, и вскоре из ванной вышла женщина с полотенцем на голове. «Тут привели юношу, который очень хочет стать артистом, а его

С Леонидом Пярном и Алексеем Арбузовым

не принимают. Обрати на него внимание!» – «Хорошо!» – согласилась она. И снова удалилась в ванную. Через пару дней я был в списке принятых в Московское городское театральное училище. Так в 1948 году Борис Казинец прорвался в театр благодаря офицеру Борису Прозорову. – Можете ли вы назвать творческое или иное достижение в жизни, которым вы особенно гордитесь?

– Мною сыграно почти 200 ролей. Я думаю, что кое-что в своем деле сделал. Количество характеров, людей, историй, которые мне пришлось воплотить на сцене, огромно. Возьмем хотя бы Бориса Годунова. Я сыграл и пушкинского, и толстовского героя. А

рядился: «Пусть едет. Но ставить спектакль буду не я, а мой ученик Петр Штейн». Впоследствии Штейн, сын знаменитого драматурга Александра Штейна, стал известным режиссером. А тогда я приехал в Рязань, познакомился с Петей Штейном – изумительным, интеллигентным человеком. Он так хорошо репетировал, прислушиваясь, конечно, к советам мэтра. Это был потрясающий кусок моей жизни! Правда, уехав из Тбилиси в Рязань, я совершил, по сути, хулиганский поступок. Но это был поступок! Как я могу этим не гордиться сегодня? В Рязани я встретился с замечательным режиссером из Киева Эдуардом Митницким, сыграл у него в пьесе Леонида Жуховицкого «Вер-

хом на дельфине». И я сам поставил там «Картошку без соли» польского автора...

Листаю страницы своей памяти и вспоминаю «грибоедовский» период. Спектакль «Завтрак с не-известными», в котором я сыграл бандита. А «Час пик», «Девятый праведник», «Закон вечности»? Перечислять нет необходимости... Очень люблю своего декабриста Лунина из спектакля Котэ Сурмава «Гори, моя звезда» по пьесе Радзинского. Вспоминаю с удовольствием свою роль в потрясающем спектакле «Физики» Дюрренматта, который поставил Сандро Товстоногов. Незабываемый период — Грибоедовский переживал настоящий взлет! Хотя при Товстоногове и была в театре какая-то напряженка... А после него пришел душка Гизо Жордания. Я очень любил этого прекрасного человека и режиссера, поставившего чудесные спектакли.

— Если бы существовала машина времени, вы бы исправили свои ошибки в прошлом?

— Ничего бы я не стал исправлять, хотя кое за что, конечно, стыдно. Но великий еврей Соломон сказал: «И это пройдет». Когда я понял, что у меня не получается работать в московском театре, то сначала очень переживал. А потом приехал в Новочеркасск, в театр, на сцену которого выходила когда-то Вера Комиссаржевская. Господи, какое это было счастье: в Новочеркасске я сыграл потрясающую роль в спектакле «Тропой грома» Питера Абрахамса; Клементьева в пьесе Чернышевского «Мастерица варить кашу»... Если перенестись на машине времени в прошлое, то вспоминаю, как внук Бабеля, Андрей Малаев-Бабель, организовал в Вашингтоне театр-студию Станиславского. Я решил поговорить с ним, узнал, где они репетируют. Как раз в это время они начали работу над спектаклем «Идиот» по Достоевскому, и им нужны были профессиональные актеры. Помню, как во время нашего разговора с Бабелем на высокой стремянке стоял длиноволосый молодой человек, что-то готовил для репетиций и все время посматривал на меня. Когда он спустился, я спросил, чем его так заинтересовала моя персона. «Это не вы случайно в ростовском театре в спектакле «Трамвай «Желание» кричали: «Стелла, Стелла!»? — «Да, я».

— «Так я не ошибся! Я работал художником в театре Горького. На последнем этаже мы готовили декорации, в это время шел спектакль, вы неистово кричали «Стелла, Стелла!» и при этом висели вниз головой». Удивительный случай!

— Как вы справляетесь с разочарованиями, неудачами?

— Во всем и всегда мне помогает моя жена Светочка, с которой мы вместе более 50 лет. Когда случаются проколы и разочарования, рядом обязательно должен быть человек, который снимет боль и поможет идти дальше. — О чем сожалеете?

— О том, что мало внимания уделял родителям. Учился в Москве, потом мотался по городам и весям... В 90-е оказался в США. В течение семи лет был диктором на «Голосе Америки», трудился в ночную смену. Там, на радио, был потрясающий географический атлас мира. И я решил выписать все места, где мне довелось выступать. Это более 300 населенных пунктов — от Свердловска до Черновцов, от Мурманска до Крыма... О чем мне сожалеть? Живем с женой вместе много лет, помогаем друг другу.

— Без чего вы не можете жить?

— Без театра. Хожу на все спектакли. Меня очень любит детский театр «Зеркало». Если говорить о русских театрах в Америке... Шесть лет я играл в театре композитора Александра Журбина «Блуждающие звезды», создал собственный Театр русской классики. Слава Степнов интересно работает в своем STEPS THEATRE. Мне довелось играть на сцене канадского театра имени Леонида Варпаховского, при-

знанного выдающимся явлением на Западе. Какие актеры! Какие спектакли! Какие гастроли! Сейчас Анна Варпаховская готовит моноспектакль о Фаине Раневской. Расскажет о жизни великой актрисы, поможет нам понять эту феноменальную женщину. Мы с Анной много играем вместе в спектаклях Ирины Чайковской, которая тоже создала свой театр. И получаем большое удовольствие, участвуя в ее онлайн-проектах.

— Борис Михайлович, в чем смысл вашей жизни?

— У великого Чарли Чаплина есть потрясающая по простоте фраза: «Вы никогда не увидите радугу, если будете смотреть вниз». Действительно, зачем нам вниз смотреть, нужно ведь радугу видеть! Мы со Светланой в США более 30 лет, за это время пережили разное. Можно сказать, прошли огонь, воду и медные трубы. Непростым был период работы в «Голосе Америки». В десять вечера на работу меня привозила жена Светлана. В течение двух часов я изучал материалы, с которыми мне нужно было выходить в эфир в 12 часов ночи. В 6 утра моя смена заканчивалась, и я бежал на автобус, ехавший в Нью-Йорк. Впрыгивал в него, бухался в кресло и повторял свою роль — первой моей ролью в театре Александра Журбина был Арье Лейб в спектакле «Закат» Бабеля. Потом два часа спал, а весь мой путь продолжался четыре часа. В Нью-Йорке высаживался на 42-й авеню и пешком, за неимением денег, бежал до 54-й. На этой улице находилось кафе «Uncle Vania», которое содержала Марина, бывшая актриса

Актеры Театра имени Леонида Варпаховского

«Повесть о рыжем Мотеле»

московского «Ленкома». Я приходил туда не кушать, а работать. Надевал передник и лепил пельмени и вареники. Фарш к этому времени был уже готов, вишня тоже. Несколько часов я работал, не покладая рук, после чего Марина совала мне в зубы мой заработок — 40 долларов: руки от усталости ныли. И я бежал к Саше Журбину, который ждал нас на Брайтоне в каком-нибудь помещении, за которое не нужно было платить, чтобы репетировать «Закат» Бабеля.

— Как вы думаете, какая самая большая проблема, с которой сталкивается человечество?

— Непонимание. Даже близкие не понимают друг друга. Единственное, во что я верю, — это слова мудрого Соломона: «И это пройдет». Именно так получалось в жизни. И только с этими словами можно жить. Вот будет скоро спектакль «Одесса-мама», в котором я произношу всего пять фраз. В самом конце. Появляется папа, которого ищут. Он говорит: «Кто я? Я Буба из Одессы, здравствуйте! Ты не понимаешь? Я твой папа! Дети, усыновите меня!» На этом, собственно, заканчивается спектакль. Света недовольна, что я согласился на эту роль. А я считаю, нужно держаться до последнего.

— Могли бы вы дружить с человеком, не разделяющим ваших ценностей?

— Думаю, нет. А зачем? Если вы служите в одной конторе, и общение необходимо, тогда можно это допустить. Но неприязнь мешает добиться тех результатов,

которых можно достичь, когда ты в окружении хороших людей и прекрасно к ним относишься. К примеру, в театре «Приятная компания», где ставят «Одессу-маму», работают действительно замечательные ребята, и репетиции — сплошное удовольствие.

— Какой период вашей жизни самый счастливый?

— Нашей со Светой любви пришлось пройти через многие испытания. Мы познакомились в Ростове. Бывший супруг Светланы вместе с моей прежней женой написали на меня донос — о порочном актере, соратителе неопытных молодых женщин. Это была трагикомедия, цирк! Для нас со Светланой сложилась неприятная ситуация, оставаться в Ростове было невозможно. Мы готовы были бежать на Сахалин, куда меня приглашали в театр. Но мудрый папа сказал: «Позвони Наташе Бурмистровой в Тбилиси и все расскажи!». Наташа очень обрадовалась, услышав мой голос. И вскоре мы оказались в Тбилиси, в театре Грибоедова. Первую роль у Сандро Товстоногова я сыграл в спектакле «Точка зрения» Шукшина. А потом он доверил мне роль в «Энергичных людях» того же Шукшина. С удовольствием вспоминаю, как в первый мой тбилисский период Арчил Гомиашвили ввел меня в комедию «Требуется лжец» на свою роль. Я выполнил все его трюки, и Арчил был потрясен. Там была сцена, когда мясник бежал за моим героем Тодоросом с топором, а он становился ногами вверх, держась за фонарь и притворя-

ясь невидимым. Преследователь пробежал мимо, не замечая его. Арчил сказал: «А вот этого ты не сделаешь!» — «Сделаю!» И сделал.

— Какая фраза или слово отражает ваше отношение к жизни?

— Труд! Я с детских лет помню спину моей мамы. Когда я приходил домой, то видел мамину спину — мама строчила за машинкой, которая стояла у окна. Уставшая, она меня просила: «Берка, покрути немножко!» А Берка под каким-нибудь предлогом убежал. Об этом я всю жизнь жалею... В США мы со Светой не гнушались никаким трудом. К примеру, пекли пирожки. На мексиканском фестивале узнали о нашей выпечке и стали нам заказывать. Сначала заказали тысячу пирожков, потом еще и еще. И мы их лепили и лепили. Хочу вспомнить слова из фильма «Тот самый Мюнхгаузен»: «Не скажу, что это подвиг, но что-то героическое в этом все-таки есть».

— В чем секрет долговечности отношений мужчины и женщины?

— Взаимное уважение.

— Как относитесь к предательству в дружбе, любви?

— Как можно к этому относиться? Предатель должен быть вычеркнут из твоей жизни.

— Как складывались ваши отношения с женщинами?

— Это было очень давно. С первой моей женой, народной артисткой России, человеком интеллигентным, невозможно было даже поругаться. Но вот не получилось — расстались! Вторая жена — это ошибка. Она родила мне сына Мишку, однако все равно ничего не вышло. И вот судьба — мы с моим приятелем Мариком стоим у входа в ростовский Дворец энергетиков и болтаем. И вдруг я замечаю идущие по лестнице стройные ножки. Поднимаю голову и вижу гордо идущую красивую женщину! Спрашиваю у Марика: кто это? «Это наш главный бухгалтер», — ответил он. Я навсегда запомнил ту судьбоносную встречу со Светланой! Света — молодец, держится героически, любит США! Я тоже благодарен Соединенным Штатам, просто это не моя страна, не моя атмосфера. Я обожал Грузию, Тбилиси. Это действительно лучший период нашей жизни. Тбилиси нас сделал счастливыми.

Судьба подарила мне счастье служения Мастеру, человеку редкого таланта и духовной силы, с магией личности которого вряд ли кто может сравниться в театральном мире наших дней. Нет, я не сетую и не живу только прошлым – я иду в ногу со временем, учусь, меняюсь, размышляю и восхищаюсь бурлящим разнообразием театра сегодня. Особенно радуюсь преобразению моего театра, носящего имя Георгия Александровича Товстоногова. Но порой, вспоминая мгновения былого, даже не верю, что все это происходило со мной! «Блажен, кто свой челнок привяжет к корме большого корабля», – эти пушкинские строфы сказаны и обо мне.

Ирина ШИМБАРЕВИЧ

Сердечно поздравляем с юбилеем Ирину Николаевну Шимбаревич, театроведа, заместителя художественного руководителя БДТ по общественно-просветительской и исследовательской деятельности, заслуженного деятеля искусств РФ, нашего прекрасного друга!
Здоровья и процветания, добра и мира!

РОИН МЕТРЕВЕЛИ

■ Омар ШУДРА

Передовое грузинское общество трижды выдвигало Роина Метревели на должность главы государства: в апреле 1971 года, в декабре 1990-го (назначение даже было согласовано на уровне Москвы) и 30-31 декабря 1991 года, в разгар тбилисской гражданской войны, за два месяца до назначения Э. Шеварднадзе.

В двух последних случаях Метревели сам отказался от назначения, хотя и прекрасно сознавал, сколь высокое доверие ему оказано общественностью. А вот в 1971 году 31-летний завотделом ЦК КП Грузии оказался в самой гуще сложной политической игры.

Столь серьезный авторитет Роин Метревели завоевал не только как талантливый историк-медиевист, но и как выдающийся организатор. Не менее важны и его сугубо личные качества: несуетливый, покладистый, доброжелательный характер в сочетании с редкой тактичностью и деликатностью в общении с людьми.

Роин Викторович Метревели родился в 1939 году, в семье молодых сотрудников знаменитой Абастуманской обсерватории. Отец скончался, когда Роину было всего пять лет. Семье пришлось переехать в Кутаиси. В 1957 году он окончил среднюю школу – с золотой меда-

лью. Получил музыкальное образование в училище по классу фортепиано.

Блестящий студент исторического факультета Тбилисского государственного университета стал ленинским стипендиатом. Уже в студенческие годы Метревели написал несколько научных работ – особый интерес молодого исследователя вызвала эпоха Давида Строителя и царицы Тамар. Тогда же он (в соавторстве) написал и свою первую книгу, посвященную Эквтиме Такашвили и приуроченную к 100-летию почти опального ученого.

В 1962 году он поступает в аспирантуру, уже будучи секретарем ЦК комсомола Грузии. Это первый и, возможно, единственный случай в бывшем СССР, когда студент был избран на такой высокий пост.

В 26 лет, одним из самых первых среди ровесников, Р. Метревели защитил кандидатскую диссертацию «Реформы в средневековой Грузии (XII век)», через два года стал первым секретарем ЦК комсомола, а в 1970 году его перевели в ЦК КП Грузии заведующим самым важным и сложным отделом – отделом организационно-партийной работы.

Весной 1971 года глава республики Василий Мжаванадзе объявил соратникам о своем преемнике и начал согласовывать этот вопрос с Москвой. Ме-

тревели побывал в Москве на собеседовании, и «резервная» кандидатура была там утверждена.

Но, как это бывает (и не только в Грузии), у разносторонне одаренного, высокого, красивого, успешного 33-летнего Роина Викторовича появились завистники – только гораздо менее образованные, чем он. Против него начали работать «определенные силы», и для начала раскритиковали его... научную статью в газете.

В руководстве республики шла большая подковерная борьба. В сентябре 1972 года Василию Мжаванадзе предложили уйти на пенсию. Новое руководство назначило Метревели заместителем главного редактора «Грузинской энциклопедии» (главным редактором был Ираклий Абашидзе).

Через два года он защитил докторскую диссертацию «Внутриклассовая борьба в средневековой Грузии» и стал одним из самых молодых докторов наук в стране.

За особые заслуги в деле издания Энциклопедии Роин Викторович (с соавторами) получил Государственную премию Грузинской ССР, его избрали членом-корреспондентом Академии наук ГССР. А до этого он успел внести большой вклад в реорганизацию учебного процесса Тбилисского педагогического института им. Пушкина, который возглавлял в течение трех лет.

Увы, приходится признать, что интриги против молодого ученого-организатора продолжались – не только в «Энциклопедии» (под видом всевозможных комиссий), но и в... Академии наук, где новый президент А. Тавхелидзе сам предложил Роину Метревели занять пост вице-президента, а потом, после звонка «сверху», был вынужден, крайне смущенный и расстроенный, отозвать свое предложение.

Не могу не добавить, что А. Тавхелидзе, всемирно известный физик-теоретик, был научным руководителем нашего Института физики высоких энергий ТГУ, я знал его с молодых лет – это был твердый, смелый, уверенный в себе человек. Не

Дни Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге. С Темуром Чхеидзе, Николаем Свентицким и Верой Церетели

сомневаюсь, никакой «тбилисский» звонок не повлиял бы на его решение. Разве что звонили с самого верха...

Роин Викторович читал лекции, работал в Академии, когда в октябре 1991 года новый президент Грузии, З. Гамсахурдия, буквально потребовал, чтобы Метревели занял пост ректора ТГУ. Во дворе университета на митингах бушевала оппозиция, а через два месяца началась «тбилисская война»...

Спустя 13 лет, в 2004 году, после неоднократных просьб Роина Викторовича, президент Саакашвили освободил его от этой должности. По сравнению со всеми своими предшественниками и преемниками на этом посту ректорский стаж Метревели оказался самым долгим.

Именно в период его ректорства университет восстановил статус автономного учреждения высшего образования.

С 1993 года Роин Метревели – действительный член, с 2013 года – вице-президент, с 2023-го – президент Национальной Академии наук. Он – Почетный гражданин Тбилиси, Кутаиси, Боржоми, Икалто. Автор более 350 фундаментальных научных трудов, более 15 монографий, редактор многих научных сборников.

Перечислить все его отечественные и зарубежные почетные звания, регалии, награды и

премии невозможно. Да и формат нашей рубрики, в которой, как уже заметили наши внимательные читатели, основное внимание уделяется личным качествам героев, этого не позволяет.

...Время – около 10 часов утра. Коридоры Академии наук пусты. Никого нет – кроме вышколенного технического секретаря Р. Метревели. Я коротаю время за чтением нового номера журнала «Русский клуб» в ожидании своего старого товарища. По коридору идет Роин Викторович (тогда еще вице-президент). Доброжелательно пожимает руку. Мы поговорили (даже о футболе!). Но вот прошли годы, и такая же ситуация повторилась, когда он стал президентом. И я понял: приходить раньше всех – это тайм-менеджмент Метревели, выработанный с юных лет.

В свои почти 86 лет высокий, представительный, сильный духом президент Академии наук проводит совещания и заседания, выслушивает уйму посетителей, читает лекции, издает книги (одно новое издание «Жития Грузии» чего стоит!).

Думаю, особого внимания заслуживает книга его воспоминаний, изданная в 2019 году. Написанная прекрасным языком, с большим чувством такта, внушительного формата и объема (400 страниц), безупречно

На открытии памятника А. Грибоедову в Грибоедовском театре

оформленная и отпечатанная за границей, это фактически энциклопедия научно-культурной и общественной жизни Грузии. История моего поколения...

И наконец – самое важное. У Роина Викторовича очень развита культура благодарности, столь редкая в наше рыночное время. В отличие от многих из нас, он не забывает своих учителей, своих коллег глубоко преклонного возраста, которые давно отошли от активной жизни. Я сам в этом убедился, когда увидел, что на многолюдной презентации книги Роина Метревели в первом ряду сидела давно не появлявшаяся в обществе, но, как всегда, стройная и подтянутая, 90-летняя Вика Силадзе...

«НЕ НАДО БОЯТЬСЯ ЖИТЬ!»

■ Артем КОМАРОВ

На счету известного фотографа и журналиста Виктора Горячева – сотни высококлассных портретов прославленных деятелей искусства. В их числе Ален Делон, Софи Лорен, Михаил Шемакин, Елена Образцова, Галина Вишневская, Мстислав Ростропович, Людмила Гурченко, Булат Окуджава, Василий Аксенов и многие-многие другие. Про каждую фотографию он может рассказать удивительные истории, в которых оживает подлинный, а не экранный образ любимого артиста. А каков внутренний мир самого фотохудожника?

Юрий Никулин

Юрий Шевчук

– Знаменитый Хельмут Ньютон как-то сказал: «Желание сделать открытие для себя, желание двигаться, желание запечатлеть колорит – это три понятия, которые описывают искусство фотографии». А в чем заключается искусство фотографии для вас?

– Для каждого фотографа существует свое представление о фотографии. Мне кажется, в этом

есть своя прелесть, что нет каких-то выверенных законов. Иногда люди достигают невероятных высот, идя своей, непроторенной дорогой. И мне эта дорога нравится. Но я точно знаю, что я не Хельмут Ньютон, и мне не хочется повторять его путь в искусстве. Времена совсем другие, мир совсем другой, и я совсем по-другому отношусь к реально-

сти, нежели он.

– И все же, как вы бы определили искусство фотографии?

– Для меня гораздо ближе понятие «ремесло фотографии». Искусство, как и вдохновение, может к тебе прийти и уйти. А вот момент щелчка, когда у тебя все складывается, постоянная работа, умение держать планку – для меня это и есть профессиона-

лизм. Ремесло. Есть буднич­ный момент, когда ты долж­ен ра­бо­тать, зарабо­ты­вая сво­им тру­дом на жизнь. Но ис­кус­ства без него и не бывает.

— *Вы прошли большой путь — окончили институт транспорта, служили в армии, увлекались хоккеем, работали геодезистом...*

— Нормальный жизненный путь. Фотография — не самое основное. Важно не то, какой ты фото­граф, а какой ты человек. Важно уважать себя, но при этом важ­но уважать и других людей. Этот урок мне преподала Галина Ша­тало­ва, легендарный врач. В 1996 го­ду мы ездили к ней домой на Руб­левку снимать для журнала «Ра­бот­ница». У нее были совсем «не­руб­левские» апартаменты, но она себя в них отлично чув­ство­вала. У нее был принцип раз­де­ления людей на четыре груп­пы. «Ты окей, я окей» — когда ты ува­жаешь и себя, и людей. «Я окей,

рассказать могу. Сколько фото­графов, столько и взглядов. Для меня фотография — это воз­мож­ность коммуникации. Вы знаете, что помимо фотографии, я дав­но занимаюсь и журналистикой. За 25 лет у меня вышло более 300 интервью. Мне интересно рас­кры­вать людей: неважно, фото­гра­фией ты это делаешь или беседой. Главное, чтобы были люди, которые тебе интересны. Общение — это взаимный ин­фор­мационный и энергетический об­мен. Десять разных фото­графов будут снимать одного человека, и это будут десять совершенно разных взглядов на человека. Я преподаю в школе Rus Press Photo и объясняю моим учени­кам, что самое главное — это лич­ностный рост, потому что если ты будешь акцентироваться только на фотографии, — ничего из этого хорошего не получится. Ты дол­жен постоянно по-человечески

студентам больше, чем скучные техни­ческие рассказы. Они во­очию видят массу всего ин­те­ресного, и потом это через себя пропускают. В последнее вре­мя у меня одна из любимых то­чек съемки — крыши. Для меня крыши, как и фотография, — это территория свободы. Особенно на закате. Ну, вот вам и фило­софия фотографии.

— *Вы упомянули ВДНХ. А какая она, ваша любимая Москва?*

— Одно из самых любимых мест — Чистопрудный бульвар, с дет­ства его люблю. Вообще это всегда очень важно — понимать место силы человека, знать и ощущать то место, с которым он связан сердцем. Там, где он может часами сидеть на ска­меечке, обдумывая новые сю­жеты, и где ему комфортно на­едине с собой. Там, например, я снимал Михаила Ефремова для одного журнала. Он сам

Андрей Макаревич

Людмила Гурченко

ты не окей» — когда ты себя ста­вишь выше. И наоборот: «Я так себе, а ты человек». И, наконец, четвертый, самый неприятный тип: «Я не окей, ты не окей» — эти люди не уважают ни себя, ни дру­гих людей. Таких надо находить и отсе­кать от своего круга.

— *А что для вас философия фото­графии?*

— Не очень понятный вопрос. Вот про философию фото­графа

расти, продвигаться, развиваться, находить свои пути в жизни. Это, на мой взгляд, и формирует фото­графа. Часто ко мне обра­щаются мои студенты с просьбой что-то объяснить из области тех­ники. Я им говорю, что это не ко мне, я лишь мотивирую людей на пути к своей цели. Мне больше нравятся практические занятия. Вот, на днях была практика на ВДНХ. Такие моменты нравятся

выбрал Чистые пруды, место, связанное с театром «Современ­ник», где прошли его детство, юность, зрелость.

— *Как вы думаете, почему в Рос­сии сосредоточено такое огром­ное количество талантов?*

— В России смешение культур. Я помню, в «Работнице», когда я только начинал там работать, главный редактор Зоя Петровна об­озвала меня «жалким космо-

политом». Я старался вбирать в себя разные направления в фотографии: мне нравилась и американская, и английская, и французская школы. Очень хотелось пропустить все это через себя. Как-то мы снимали обложку с актрисой Женей Трофимовой, стилистом была Галя Устименко. Девушки тогда попросили меня снять в стилистике Патрика Демаршелье, я с удовольствием согласился. Обложка категорически не понравилась редакции — этот приталенный стильный мужской пиджак на голое тело был совсем не в стилистике журнала. В какой-то момент я понял, что «Работница» — в прошлом, и мне

меня интересно работать с умными, красивыми, содержательными людьми.

— А какой из недавних проектов вызвал у вас наибольшую заинтересованность?

— Было интересно работать с проектом «Лики анимации», он был потрясающе партнерским и непредсказуемым. Я снимал авторов мультфильмов, тех, кого зрители заочно любят, но не знают. Я фотографировал, а потом на планшете художники-аниматоры производили дорисовку. То есть там было налицо соединение фотографии и изобразительного искусства. После выставки в Москве, в Доме

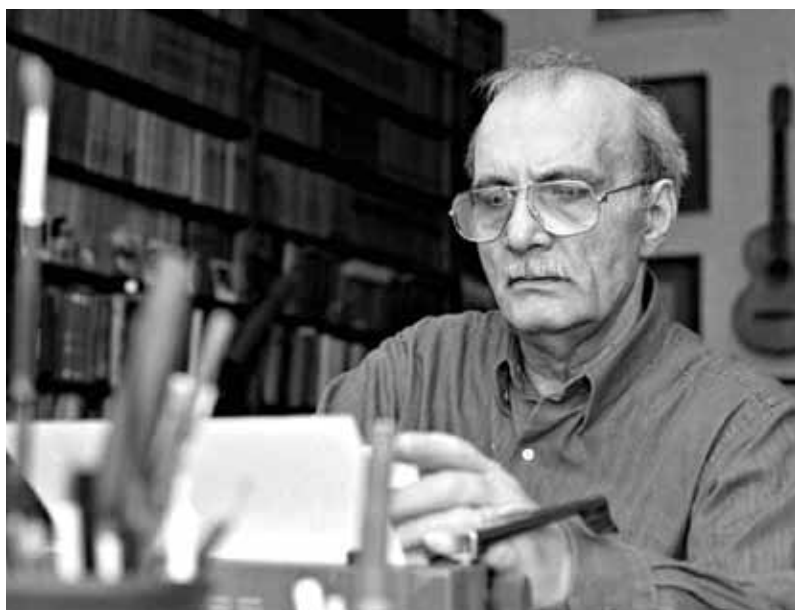
— Вы довольны тем, как реализовали себя на данный момент?

— Нет пределов совершенству, у меня есть огромное количество стремлений, главное, что не проходит желание и настроение творить, создавать что-то новое. Я открыт новым контактам, новым предложениям. В работе нужен драйв. У меня есть внутренние табу, но к профессии я стараюсь подходить свободно, без штампов и клише.

— Вы не раз говорили, что на занятия фотографией вас вдохновили и рассказы мамы о вашем деде, который был талантливым фотографом, и работы легендарного Моисея Наппельбаума.

Ален Делон

Георгий Данилия

нужно искать себя в новой жизни. Тогда появилось огромное количество шикарных западных изданий, в том числе «Vogue», «Rolling Stone», «Лилит», для которых я и начал снимать. С журналом «Лилит» я сотрудничал в общей сложности 26 лет. И мне было гораздо интереснее, что меня не бьют по рукам, не затыкают, а воспринимают таким, какой я есть.

— С кем вам интереснее работать — с обычными людьми или с именитыми?

— В основном, конечно, для прессы и журналов я снимаю портреты известных персон, но когда я делаю какие-то другие работы, то мне, по большому счету, не так важно, именитый или неименитый передо мной человек. Для

кино, экспозиция поехала в Екатеринбург, а затем во Владивосток. Относительно недавно у меня состоялась большая выставка в Доме актера, посвященная актерам и режиссерам театра и кино, которую я назвал «Иллюзион». Мне хотелось, чтобы в ней, помимо актеров советской эпохи, были и современные персонажи, и ко мне в студию приехал сняться для выставки актер Тимофей Трибунцев — работать с ним было волшебнo!

— Если бы фотография была архитектурой, то какой стиль вы бы предпочли: классику, готику, ампир, модерн, рококо?

— Думаю, что сочетал бы их вместе. Эклектичная архитектура получилась бы.

А еще — кино. Какой фильм особенно на вас повлиял? Наверное, «Фотоувеличение» Антониони?

— Нет, Антониони — не мой режиссер. Я смотрел почти все его фильмы. Он для меня слишком «депрессивный». Меня поразила фильм Лукино Висконти «Невинный». Я посмотрел его в кинотеатре «Иллюзион», когда учился в 10-м классе. Джанкарло Джаннини играл там мерзкого типа, но сама атмосфера... Там просто все купалось в красоте. И мне захотелось быть ближе к этому миру. У меня был абонемент в «Иллюзион», я ходил туда регулярно, смотрел Феллини, Бунуэля, Шаброля, Херцога, Дзурлини... На тот момент моим проводником в

мире кино был кинокритик Владимир Юрьевич Дмитриев – он читал лекции о зарубежном киноискусстве в «Иллюзионе». Признаюсь, я с юности мечтал стать актером, даже играл в народном театре, и что такое быть актером и выходить на сцену – знаю не понаслышке, на наших спектаклях собиралось по триста зрителей. Но после института меня призвали в армию, на БАМ, и служба меня в какой-то степени перезагрузила. Однако мои родители, спортсмены, учили меня всегда ставить высокие планки, преодолевать себя, поэтому, спустя время, когда я уже работал на железной дороге и

многогранная, что в ней можно купаться бесконечно. Мне нравится менять стилистику. Например, есть портретная стилистика одного из лучших фотографов-портретистов XX века Ричарда Аведона – это образец портретной фотографии. Но есть такой фотограф, как Жан Лу Сьефф. Он снимает портреты широким углом. О нем мне рассказывал Юозас Будрайтис, который сам замечательный фотограф и снимает именно таким образом. Представляете? Широкий угол – это всегда какая-то деформация, но за счет этого такая динамика идет! Всегда интересно, когда ты снимаешь в

звучное себе здесь и сейчас.

– На вашей странице в фейсбуке стоит слоган: «Меня у меня не отнимет никто». Как это расшифровывается?

– Фраза сама о себе говорит. Она о верности идеалам юности. Представьте, вы себя клонировали и вернулись к тому бескомпромиссному юноше, которым вы были когда-то. И этот молодой человек является вашим самым строгим судьей, а возможно, и адвокатом. Мне нравится общаться с ним! В юном возрасте я был честолюбивым, в хорошем смысле – наглым, и я всегда знал, что меня ждет большое будущее.

Олег Басилашвили

Галина Вишневская

у меня намечался карьерный рост, я бросил перспективную должность и ушел в журналистику. И сейчас в фотографии я использую все тот же родительский спортивный принцип – идти там, где другие останавливаются.

– А какие еще жизненные принципы для вас важны?

– Для меня очень важно выстраивать отношения на равных. Нужна «золотая середина». В этом секрет успеха – чтобы люди воспринимали тебя серьезно.

– Можно сказать, что портретная фотография – это ваш конек?

– Конечно. Я без проблем снимаю и репортажные съемки, но портретная съемка настолько

одной стилистике, а потом прыгаешь в абсолютно другой мир. К тому же моя актерская природа помогает подстраиваться и работать с абсолютно разными типажам, при этом оставаясь самим собой.

– Поделитесь, что вы читаете, что смотрите.

– Паоло Соррентино – один из моих любимых режиссеров, всегда с интересом смотрю его фильмы. Недавно с удовольствием посмотрел американский сериал «Ход королевы» про уникальную девочку-шахматистку, потому что сам люблю шахматы. А книг не так много читаю, увы. Пушкин – это безусловно мой автор. Буквально по всем жизненным ситуациям у него можно найти многое со-

И сейчас я точно понимаю, что не подвел того честолюбивого юнца. Надо жить в ладу с самим собой. Тогда все получится.

– «Так будет не всегда» – расшифруйте, пожалуйста, ваш предыдущий слоган.

– Это своего рода «memento mori». Просто живи, радуйся жизни, завтрашний день может и не наступить. Всегда делай те дела, которые можешь сделать, никогда не откладывай дело на следующий день. В отношении людей делай все по максимуму, чтобы у тебя в дальнейшем не было самоедства. Может, ты делаешь ошибки, но, по крайней мере, ты живешь. Не надо бояться жить!

ТАЙНЫ АННЫ КОВАЛЬЧУК

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Никогда не могла бы представить, что обычный детективный сериал сможет настолько войти в мою жизнь, что я буду возвращаться к нему всякий раз, когда переживаю стресс, депрессию и прочие психологические проблемы. Что чуть ли не ежедневное экранное общение с актрисой, на протяжении десятилетий исполняющей главную роль старшего следователя по особо важным делам Марии Швецовой в легендарных «Тайнах следствия», станет для меня настоящей потребностью. Уже потом я увижу ее в «Мастере и Маргарите», в роли героини культового романа Михаила Булгакова (на мой взгляд, это лучший выбор, который мог сделать режиссер Владимир Бортко), в фильме «Адмирал», где она сыграла еще одну истинную женщину — жену Колчака. Но впереди меня ожидали новые открытия, связанные с актрисой Анной Ковальчук, — театральные. Они тоже удивили, но совершенно по-другому. В постановках по Гоголю одного из наиболее ярких современных режиссеров, называемого мастером мизансценирования, Юрия Бутусова и его ученика Романа Кочержевского — «Город. Женитьба. Гоголь» и «Мертвые души» — актриса чувствовала себя так органично, будто всегда готовилась к ра-

боте именно в этой, отстраненно-неортодоксальной, изменчиво-бликующей стилистике. Ее утонченная, интеллигентная и странная барышня Агафья Тихоновна — слишком отдельна и слишком хороша для нашей (именно нашей!) разрозненной, шаткой, холодной реальности, чтобы избежать одиночества. А Коробочка Анны Ковальчук вообще хранит в себе много тайн, и ее постепенное сценическое преображение из неказистой, немолодой женщины в сногшибательную бизнес-леди, окутанную гоголевским мистическим ореолом, не может не восхищать. Как и Наталья Петровна из спектакля Ю. Бутусова «Все мы прекрасные люди» по тургеневской пьесе «Месяц в деревне», где актриса отлично передает (сохранилась запись) смятение чувств своей героини, — я бы назвала это импрессионизмом в театре. Будучи внутренне пластичной, Ковальчук тонко чувствует форму спектакля, легко переходя от одного сценического языка к другому. В постановке Улунбека Баялиева «Вишневый сад», поставленном в японской стилистике, она сыграла Раневскую. И в одной из рецензий я прочла (увы, этого спектакля не видела): «Мне «Вишневый сад» очень понравился уже минуте на пятой, когда раздвинулись японские ширмы, на которых строится сценография спектакля, и появился Гаев, заботливо держащий на руках уставшую, трепетную и очень красивую Ковальчук-Раневскую в ярко-алом плаще. Спустя мгновение героиня весьма пластично и в высшей мере чувственно перекатилась на бесприютный пол. Черт возьми, как это было будоражаще и по-эстетски! Грациозную Раневскую невозможно назвать цветovým пятном, но на фоне сдержанной и одновременно шикарной бело-кремово-черной палитры объема сцены от главного персонажа глаз было не оторвать. Любители проводить всяческие параллели в антракте смогли сравнить эту подачу с образом, созданным Алисой Фрейндлих в давней ленсоветовской постановке Игоря Владимировича: в фойе

выставили костюм Раневской из того спектакля, достаточно скромный, традиционный, если не сказать простой. Как все-таки много поменялось с тех лет в театральной моде и приемах. Но, к счастью, петербургская сцена не оскудела на прекрасных актрис. Анна Ковальчук доказывает — даже манифестирует — эту истину в каждом своем появлении, в каждой своей мизансцене. Глядя на ее Раневскую, не вспоминаешь, конечно, не только ни про какие тайны следственных органов: забываешь и ее Маргариту. Нерачительная, загулявшая, разорившаяся помещица моментально превращается в аллегория скорбящего материнства: можно было и не брать в руки белоснежный игрушечный парусник, который на фоне красного буйства лишний раз продемонстрировал, что траур может быть разноцветным. Слабохарактерность, наивность, пресловутая порочность — все это есть. Но и неожиданная стойкость в принятии ударов судьбы: финальное «Мы идем!» Ковальчук произносит не найдя слов как...» (Евгений Хакназаров).

Моя встреча с актрисой произошла на сочинском международном фестивале «Евразия-кинофест», и актриса вновь удивила — на этот раз в человеческом плане. Дружелюбная, открытая, без всякой «звездной» отстраненности и высокомерия, она согласилась на интервью в обстоятельствах для нее неудобных, практически исключая диалог с журналистом. И была, как всегда, ослепительно хороша в своем серебряном платье.

— Можно утверждать, что ваши детские мечты сбылись?

— Думаю, да, конечно, сбылись. Самая главная моя мечта — любовь мамы и папы. Они со мной! Каждый раз думаю, что я уже достаточно взрослый человек, а у меня есть мама и папа, и я невероятно счастлива. Все дети боятся потерять родителей, но они, слава Богу, со мной. И еще. Я никогда не грезила о славе — мечтала о детях. Это тоже моя самая главная мечта. Хотела мальчика и девочку, и все сбылось! Я мечтала быть

красивой... С трудом достигаю этого! Внешняя красота очень сильно портится, если нет внутри тебя правильного стержня, правильного направления души. Стараюсь с этого пути не соскочить, оберегая красоту не только тела, но и души. В школе я еще мечтала о мирном небе. Понятно, что не все пока просто. Но тем не менее есть большая, сильная страна...

— *Одри Хепберн говорила: «Прекрасны те уста, которые часто произносят добрые слова. Прекрасны те глаза, которые стараются видеть в людях одно только хорошее. Стройной будет фигура у того, кто разделит свою еду с голодным. И волосы станут как шелк, если их каждый день будет гладить ребенок».*

— Замечательно! Но если говорить о физической красоте, то это большой труд. Потому что здоровое тело — это как бы ограничение. Нужно вовремя лечь спать, а хочется пойти гулять. Или что-то лишнее съесть, выпить... Словом, всегда есть какие-то соблазны. Сложно заставить себя встать и пойти заниматься. Да просто вытащить себя из кровати! Потому что каждый день нужно уделять хотя бы час времени своему телу. Есть растительную пищу, не позволять себе никаких лимонадов. Ограничения, ограничения...

— *А для этого нужны самодисциплина и воля.*

— Именно они и помогают мне столько лет быть в профессии, в частности, 25 лет сниматься в «Тайнах следствия»! Это огромный труд и терпение. Просто терпение! В Библии написано, что Бог терпел и нам велел, так что идем правильным путем.

— *Вы просто сильный и неленивый человек.*

— Можно сказать и так. Но можно сказать и по-другому: я трус, потому что боюсь потерять красоту. Боюсь потерять любовь публики. Так что не знаю, сильная я или нет.

— *Вы развиваетесь в профессии, не стоите на месте. Хотя наверняка много времени у вас отнимают съемки в фильме «Тайны следствия». Это не заставляет отказываться от других проектов?*

— Нет. Если у меня есть другие проекты, они обычно идут параллельно. Всегда бывает так, что я снимаюсь в «Тайнах» и еще в каком-нибудь фильме. Выпускаю спектакль, выступаю с концертом. Сейчас у меня большая концертная деятельность. Вы сказали о саморазвитии. Действительно, я учусь играть на разных музыкальных инструментах, выхожу на сцену с укулеле, гитарой, бубном, барабаном, кастаньетами. Создала группу «Ангелы Анны». Меня куда-то приглашают, и я с удовольствием выступаю. У меня обширная программа. В моем репертуаре советские песни,

«Город. Женидьба. Гоголь»

романсы, песни Анны Герман, из фильма «Ирония судьбы».

– То есть вы поющая актриса?

– Когда меня принимали в институт, то сказали: не поющая. Но для меня самое главное – не стоять на месте. Я много занималась вокалом, потом даже принимала участие в мюзикле «Мастер и Маргарита», пела с большим оркестром – исполняла роль Геллы. Я проработала в мюзикле год, а потом стала готовить свою концертную программу. И в театре пою, конечно.

– Еще и сказки пишете.

– Да-да. Мне кажется, актер вообще на это заточен. Он много читает стихов, и хочется писать самому, выливаются свои строки – поэзия, проза. То есть всегда хочется заниматься чем-то творческим.

– Какое решение в жизни далось вам с большим трудом, но в итоге оправдалось?

– Мне кажется, с трудом – это когда ты сопротивляешься тому, куда тебя ведет судьба или Вселенная. А я такой человек, который не любит принимать решения. У меня технический склад ума, и после школы я хотела изучать кибернетику. И сегодня я раскладываю свою жизнь по формуле, даже актерское ремесло стараюсь разложить по формуле. Студентам так же преподаю – в Санкт-Петербургском государственном институте кино и телевидения у меня свой курс. Мои ребята-ковальчата уже на третьем курсе. Мы выпустили три спектакля, я с ними работаю и как режиссер, недавно поставили «Евгения Онегина». Это классный сегмент творчества, когда ты передаешь молодым свои знания и умения, учишь, как добиться успеха в кино и на сцене, какая нужна для этого самодисциплина. Знаете, с чего мы начали? Куда нужно смотреть, на что обращать внимание, что нужно развивать, чтобы прийти к успешному результату. Я с удовольствием делюсь своим опытом, своей формулой актерского мастерства. Да чего там актерского? Жизненного успеха, счастья! Потому что по жизни нужно быть счастливым.

– Верите в судьбу?

– В Бога.

– Именно он так распорядился в жизни Анны Ковальчук? Или сыграли роль ваша воля, ваш выбор?

– Бог распорядился, приведя меня в театральный институт. Но там мне сказали, что я плохо подготовлена. Поэтому не получу стипендию и, наверное, вылету. А я: «Что? Вылету?!» И у меня пошли одни пятерки и главные роли. В каком-то смысле я достигатор.... Вернее, не то, что достигатор, но если я за что-то берусь, то делаю это на сто процентов. Я перфекционист и хочу, чтобы все было выполнено профессионально. Если моя фамилия значится в титрах какого-то фильма, хочу, чтобы на экраны вышло качественное кино. Это трудно, не все же зависит от меня. Но какие-то вещи, зависящие от меня, я стараюсь сделать на сто процентов.

– А если партнеры в чем-то недотягивают, чему-то не соответствуют, вы можете выразить им свое недовольство?

– Нет... Студентам – да, имею право. Я педагог, и это есть воспитание. Ведь существуют понятия «учительство», «педагогика». А партнерам я не могу ничего говорить. Я не режиссер, с коллегами мы можем быть в сотворчестве, можем вместе расти. Ненавижу актеров, которые подавляют других.

– Поэтому, наверное, не могли бы быть режиссером?

– Могла бы. Если бы мне дали режиссерский посох, я бы рулила. Но так как я актриса, то могу партнера только попросить сделать так, как мне удобно, и вместе мы можем что-то придумать. А учить своего коллегу я считаю неправильным. Можно загубить самое ценное, что возрастает в актере. Вообще актеры – очень нежные от природы, с ними нужно аккуратно.

– Если вас критикуют, говорят вам что-то резкое и обидное, как вы реагируете?

– Я ухожу в пещеру, закрываюсь. Иногда расстаюсь с этим человеком.

– Даже так?

– Даже так.

– Но бывает же справедливая критика.

– Тогда все нормально. В моей жизни были довольно сильные

режиссеры – Владимир Бортко, Юрий Бутусов. Я шла за ними. Когда я доверяю режиссеру, то понимаю, что сказанное мне – не повод для обиды, это для моего роста. С Бутусовым у меня было три спектакля. Помню, он долго не отпускал нас с репетиций. С утра приходишь в театр и остаешься там до закрытия метро! С одной стороны, обидно, с другой, ты ведь так горишь работать с этим режиссером! Когда рядом был Бутусов, провести вместе с ним многие часы казалось счастьем и наслаждением. Поэтому я всегда шла за ним.

– В театре вы не должны особо заботиться о том, как выглядите, не правда ли?

– Театр для меня – психотерапия. Потому что я прихожу в театр, и все свои боли через любые эмоции выношу на сцену. Тем более ценно, что зрители видят, какой я могу быть на красной дорожке и на театральной сцене, где невозможно оставаться в маске, где нужны открытые эмоции. В моем последнем кинопроекте «Потемкин» я играю Екатерину II в возрасте. Она умная, жесткая. Мне так нравилось, что играю некрасивую и немолодую женщину, что не надо из себя ничего строить.

– Это вас в каком-то смысле освободило?

– Да! Я могла заниматься только актерством, только эмоциями, и это очень круто.

– В чем секрет долгожительства «Тайн следствия»?

– В актерском терпении, наверное. Очень многие вещи пришлось пережить, работать с разными режиссерами, любящими и ненавидящими нас. И сценарии были разные...

– Неужели были режиссеры, не любящие вас?

– Да, кто-то из них, мягко говоря, не любил нас! А актеры – как дети. Их надо любить. Но, видимо, нас очень любят продюсер и канал «Россия». Поэтому мы растем как в теплице: нам дают много любви. Но были годы, когда я говорила: «Все, мама, я больше не буду играть в сериале!» А она отвечала: «Аня, тебя так любит зритель!» И продюсер мне говорит: «Мы хотим, чтобы у зрителей в декабре было

спокойствие. Вот они включают канал «Россия», а там идет премьера «Тайн следствия», и, значит, все хорошо!» Такой вот психологический момент...

— Как работалось с Бортко? Он кажется жестким режиссером.

— Он очень сильный и властный. Если на площадке режиссер не держит власть, все развалится. Он должен быть таким. Владимир Бортко меня очень любил. Помню, смотрит на меня и спрашивает: «Ты устала?» — «Устала!» — «Все, смена закончена. Аня устала!» Ко мне подходили с благодарностью. Отвечала на это: «При чем тут я?»

— Щадил?

— Очень меня щадил, понимал, но где-то, понятно, проявлял и жесткость, хотя в целом очень любил.

— Как рождался образ Маргариты?

— Прошло много лет — двадцать! Помню, как мой любимый Сашенька Новиков подарил мне замечательную книгу «Дневник Мастера и Маргариты». Я прониклась жизнью Михаила и Елены Булгаковых, понимала, что Булгаков писал о Елене, для Елены... А мы, актеры, как обезьянки, нам бы какой-то образ впитать. Я впитала образ Маргариты, плюс добавила в него свои 28 лет — свою женственность, свою страсть. Ведь ты как женщина закипаешь к этим годам. У меня уже была дочь Злата, мне казалось, что я выполнила свой долг, ничто меня не тревожило. Так сложилось, что я была в тот период очень сильно наполнена. И еще «Тайны следствия»... Когда человек наполнен, к нему очень тянутся. С другой стороны, переживаю, а может, закончится мое наполнение? Хотя когда ты открыта для Бога, он тебя наполняет. Это же неиссякаемый источник! — Но тревога, что все закончится, существует?

— Это не тревога, а данность. Мы стареем... Безусловно, я постарею, буду меньше интересна зрителям и режиссерам. Хотя уверена, что наполнение от Бога все равно не пройдет. Я буду наполняться любовью к своим близким, животным, коллегам. Буду любить ходить в театр, а не играть на сцене.

«Мастер и Маргарита»

— То есть будущего вы не боитесь.

— Какая-то тревога все равно есть. Если бы я сказала, что ее нет, это было бы странно. Я думаю об этом и направляю свои мысли в сторону будущего.

— И как вы представляете его в профессии?

— Я бы хотела быть педагогом. Мне это нравится.

— Потому что получается?

— Получается или нет, будет понятно потом, надо будет посмотреть по студентам. Передаю ученикам очень важную часть своего ремесла, чтобы они стали профессионалами на площадке. Чтобы им говорили: «Спасибо, кто же вас так подготовил?» Я учу их и в кадре существовать, и на сцене, и в обычной жизни.

— Вы довольно рациональный человек, все у вас разложено по полочкам. А можете голову потерять, отдаться стихии чувств?

— Не знаю. Я бы сказала, что во мне сильно чувство ответственности — хотя бы за детей. Мама меня приучала к тому, что все должно быть в балансе, уравновешенно. Поэтому, если меня где-то занесет, я потом возьму какую-то аскезу, думаю.

— А как вы сохраняете равновесие?

— Каждодневыми, рутинными, я бы сказала, ритуалами. Часовая прогулка с собакой, с палками, приготовление завтрака

детям, ванная, чтение, полчаса занятий английским. Я практикую йогу. Вам это знакомо?

— Нет, увы. Я полная вам противоположность.

— Недисциплинированная?

— В общем, да!

— Может быть, и это тоже правильно?

— Вряд ли, несобранность мешает.

— Значит, нужно чуть-чуть это подтянуть. Просто поставить себе маленькие цели. Не надо ничего глобального. Кто вы по гороскопу?

— Телец.

— Вам нужно опираться на семейные традиции вашей родовой линии, на корни, это для вас очень важно. Нужно быть учеником, уметь слышать. И еще учительство. Мне кажется, вы учитесь сами, но и учитесь, передаете знания. Вы же пишете! А в своем доме — как мать, как королева, как ведьма — вы должны устанавливать традиции, ритуалы.

— В своем доме вы устанавливаете какие-то правила и традиции?

— Мне кажется, я очень мягкий, обтекаемый человек. Близнец. Отражаю действительность. Если детям так удобно, то, хоть я и веду свою линию, но никогда их не подавляю, я не деспот.

— Гармоничны?

— Стараюсь.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ: ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ С КАВКАЗОМ К 145-летию со дня рождения

■ **Нинель МЕЛКАДЗЕ**

«ГРУЗИЯ – РОДИНА МНЕ»

Кавказ в сознании древних европейцев обладал двойственной природой, был символом, в котором Высшее встречалось с Низшим, недаром греки приковали Прометея к вершине Кавказа. Но русские гении, от Пушкина до Рериха, видели Кавказ в особенном, тайном свете. С присоединением Кавказа к Российской империи писателям-романтикам открылся новый, еще неизведанный край – загадочный Кавказ. В письме брату Льву от 24 сентября 1820 г. из Кишинева, описывая свою поездку на Кавказ, Пушкин пишет: «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях». Он же положил начало «кавказской теме» в литературе, написав романтическую поэму «Кавказский пленник» – первую из цикла южных байронических поэм Пушкина.

Кавказ служил неисчерпаемым источником вдохновения для многих поэтов-романтиков, прежде всего – для Михаила Лермонтова. Красота природы, жизнь горцев и фольклор легли в основу многих его произведений. Там, на Кавказе, в поэтических размышлениях о жизни, Лермонтов задается вопросом: «И с грустью тайной и сердечной Я думал: жалкий человек. Чего он хочет!.. небо ясно, Под небом места много всем, Но беспрестанно и напрасно Один враждует он – зачем?», ответа на который нет и по сей день. Александр Бестужев (Марлинский) не был «певцом Кавказа», но его произведения на кавказскую тему сыграли важную роль в литературном освоении этого края. Писатель, служивший на Кавказе, создал повести и очерки, которые во многом оказались первооткрывателями темы Кавказа в

России. Под обаянием кавказских повестей и рассказов А.А. Марлинского семнадцатилетний А.Л. Зиссерман из Каменец-Подольска Подольской губернии решил «бросить все и лететь на Кавказ». И с начала сороковых годов, следующие четверть века своей жизни он провел на Кавказе: принимал участие в его гражданском обустройстве, был свидетелем образования научных обществ, становления культурно-просветительских институтов и попыток европеизации высшего общества на Кавказе, стяжав себе славу военного историка, историографа, мемуариста, летописца. С культурой и историей Кавказа связаны жизненные пути разных поколений русских художников, поэтов и писателей, философов и богословов. Каждого из них Кавказ по-своему притягивал, манил, тревожил, завораживал. Их привлекала не только естественная связь природы и экзотического быта горцев, но и сам ландшафт, сочетание скал и растительности, вертикалей и горизонталей. Многие из русских поэтов на Кавказе стремились открыть для себя разные грани нового для них мира – его географию, историю, культуру, литературу, этнопсихологию. Николай Гумилев – поэт Серебряного века, ученик символистов, основатель акмеизма, так описывал свои первые впечатления от Кавказа: «Кавказ просто ошеломил меня. На меня вдруг хлынули стихи Пушкина и Лермонтова о Кавказе. Я знал их и любил уже прежде. Но только здесь я почувствовал их магию. Я стал бредить ими и с утра до вечера твердил их... В Тифлисе мы провели два года. Там-то я впервые почувствовал себя поэтом». Следует отметить, что Николай Гумилев интересовался Кавказом не самим по себе, а в проекции на собственные переживания. Природа выступала у него отражением душевных явлений.

Кавказ стал одной из последних крупных вех вдохновения Андрея Белого (настоящее имя – Борис Николаевич Бугаев) – выдающегося поэта и писателя Серебряного века, ученого-филолога, философа, антропософа-мистика, одного

из выдающихся поэтов русского символизма, его ведущего теоретика и литературного критика, а еще — художника, мемуариста, коллекционера и путешественника. Для Андрея Белого и его супруги Клавдии Васильевой-Бугаевой Кавказ — пространство их антропософских контактов, медитаций, занятий эвритмией, создания эзотерических схем, нескончаемых бесед на мистические темы, соответствующего вдумчивого чтения, глубоких размышлений и вдохновляющих открытий в кавказской природе и истории.

Если романтическая эпоха Пушкина воссоздала некий романтический, как в плане природы, так и в плане этническом, образ Кавказа и кавказцев, то для символиста А. Белого Кавказ стал территорией не только географического путешествия, но и метафизического восприятия бытия. Он не был удовлетворен пушкинским описанием Кавказа: «Мне страшно признаться: любимый поэт — кое-как написал про Кавказ... Почему-то всегда представляют ущелье построенным из мрачных пород; таким Пушкин представил: и диким, и мрачным; но краскопись стен — серо-розовая, проштрихованная исчерблением чуть желтоватым и сине-зеленым; к Казбеку она — розовато-коричневая, розовато-оранжевая, лиловато-малиновая; в той части особенно много порталов из групп; а у Ларса скорей — кружева, гобелены; вон там колоннада оранжево-розовых бордачей; там фигуры громадного „Демона“ Врубеля; помнится мне: очень белая полупещера над полуплощадкой взлетела над узким путем, забирающим вверх; сверху — полупещера, а снизу — мутящийся Терек... под полупещерой — дуга из, я думаю, тысячей столбиков, переплетенных, как ткань; соплетения светлого колера; кружево над ними вставших зубцов, утопающих в сини, играло оттенками всех освещений: текучая мимика; точно ... лица; все ущелье — игра многих мимик и их контрапункт в теме дня. То — симфония; мрачности нет никакой».

Для одних символистов Кавказ — поэтическая родина. Для

других, как например, для Павла Флоренского, — это еще и отчизна: «Я Кавказ родным себе привык считать». Для Андрея Белого Грузия — родина предков, отечество. Об этом он пишет в книге «Ветер с Кавказа»: «Подъезжали к Душету. Я стал волноваться в обстаньи развернутых видов; отец возник предо мной, как «маленький Коленька», не как профессор Бугаев: ведь он — уроженец Душета; бывало, меня посадив на колени, с восхищением он развивал на арбатской квартире — лет сорок назад: — Что природа московская, Боренька: ты бы, дружок, Кавказ посмотрел: там не ствол, брат, — стволище, такой вот — и руки раскидывал. И предо мною Душет возникал: и в нем — дедушка, храбрый наездник, любимый солдатами, горцами, даже лезгином, с которым он дрался; он — доктор — военный, лечивший десятками пленных, и с ними встречавшийся в дичах: один на один; разряжали они пистолеты на воздух; и, как кунаки, гарцевали над пропастью; припоминался мне князь Чавчадзе, к которому гарцевать ездил «Василий Бугаев» и с ним распивать кахетинское; старые годы жили в рассказах отца — в тридцать седьмом он родился, в сороковом году помнил уж эту долину; в то время жил Лермонтов под Машуком; Лев Толстой еще не был здесь. Яшвили с Табидзе, которым сказал я, что Грузия родина мне, показав на Душет, живописно открытый направо, у склона горы, предлагали: «Заедемте?» Ехать? Зачем! Все равно же не знаю — ни улицы, ни места дома, в котором родился отец; что-то грустное есть в слишком придвинутом прошлом».

О ЗНАЧЕНИИ И ВЛИЯНИИ

В России конца XIX — начала XX века символизм, оформившись первоначально как литературное течение, превратился в общекультурное явление. В 1892-м вышел стихотворный сборник Мережковского «Символы»; в 1894-1895 годах — три сборника «Русские символисты» Валерия Брюсова — так школа получила свое название. Это направление создало но-

вые методы художественного выражения, восприятия окружающей действительности и философского осмысления бытия. Символисты разработали систему, нацеленную на проникновение за пределы материального мира и постижение сущности явлений посредством символов, намеков и музыкальности стиха. В начале 1900-х годов появились первые публикации второго поколения символистов, которых принято называть младосимволистами: Андрея Белого, Александра Блока, Эллиса (Льва Кобылинского), Сергея Соловьева, Юргиса Балтрушайтиса, Михаила Кузмина, Вячеслава Иванова, Иннокентия Анненского, а также религиозного философа Павла Флоренского, друга юности Бориса Бугаева, которого со многими младосимволистами сближала общность интеллектуальных предпочтений, воспитания, образования. «Я всегда был символистом», — писал П. Флоренский. О духовной близости П. Флоренского и А. Белого говорят строчки из письма Флоренского Белому: «Как-то я сидел за работой — писал; приносят Ваше письмо, и в нем читаю некоторые из фраз, которые только что написаны мною: почти тождественные даже выражения. Это хорошо и радостно». А вот фрагмент из письма Флоренского Белому от 18 июля 1904 г.: «Читаю Ваши стихи, еще и еще и все более восхищаюсь... Все собираюсь написать статью для «Нов(ого) пути» о «Золоте в Лазури», но не решаюсь. Ответственно очень. Ваш сборник по своему характеру (не по качеству, а по сути) знаменье перелома, перевала сознания; новые виды раскрываются, хотя многое еще подернуто дымкой. Об этом новом (теургизм) надо сказать достойно Вашего сборника, для меня это трудно, если не невозможно. Может быть Вы, — простите за смелое предположение, — сами и половины в своих стихах не понимаете, не понимаете ценностей. С некоторыми вещами можно богослужение совершать... Не знаю уж, я ли так сжился с Вашими стихами или они действительно так многообразны, как мне кажется, но на всякий момент

Андрей Белый с грузинскими литераторами в саду Тбилисского оперного театра

жизни находится несколько стихов, и, когда остаешься один, то невольно незаметно для себя напеваешь или шепчешь что-нибудь из Вашего».

Романы А. Белого «Серебряный голубь» и «Петербург» признаны лучшими образцами символистской прозы в русской литературе. Владимир Набоков называл роман «Петербург» «дивным полетом воображения» и лучшим романом XX века после «Улисса» Джеймса Джойса. Тициан Табидзе, один из основателей группы грузинских поэтов-символистов «Голубые роги», в статье, опубликованной в газете «Заря Востока» от 1 июля 1927 года, отмечал, что «влияние Андрея Белого на современную русскую прозу весьма велико, и вряд ли найдется сейчас писатель в прозе, который не прошел бы сквозь Белого, как раньше проходили сквозь Гоголя и Достоевского». В письме к Андрею Белому от 5 октября 1929 года Тициан Табидзе писал: «Нам кажется, что наши горы – дали Вашего вдохновения; они одухотворились, и Вы, как двойник Врубеля, открыли для нас гений очага».

Здесь уместно коснуться одного из часто дискутируемых вопросов: влияние творчества Андрея Белого на грузинских поэтов – символистов-голубороговцев. В заметке «Кое-что о грузинском искусстве» О. Мандельштам так охарактеризовал творчество группы «Голубые роги»: «Голубые роги» почитаются в Грузии верховными су-

дьями в области художественной, но самым им Бог судья... Единственный русский поэт, имеющий на них бесспорное влияние, – это Андрей Белый». В ответ Тициан Табидзе разразился гневной филиппикой, обыгрывающей тему «бесспорного влияния» русской поэзии на грузинскую. Исследуя тему влияния Андрея Белого на грузинских символистов, профессор Харша Рам, американский филолог и культуролог, в своем труде «Андрей Белый и Грузия: влияние Андрея Белого на грузинских модернистов и переосмысление петербургского текста в периферийном пространстве» пришел к выводу, что на становление Тициана Табидзе как поэта и теоретика литературы повлияло творчество Андрея Белого; он обращает внимание на генезис названия их объединения – «Голубые роги». Обе части названия (пусть и не вместе, но в одном и том же стихотворении) профессор Харша Рам находит в сборнике А. Белого «Золото в лазури», из которого, как он считает, грузинские модернисты почерпнули много существенных элементов своей образной системы. В начале сборника новой целью похода аргонавтов объявляется солнце, подчеркивается игра небесно-голубого и солнечно-золотого цветов. Тема солнечного пира развивается в стихотворении «Возврат», в котором поэт-маг призывает людей в свой духовный приют на вершине горы, где они смогли бы разделить с ним

его исцеляющую трапезу. Рог имеет здесь двойную функцию: на нем трубят сигнал к отходу, из него же гостям наливается «волшебное вино». Превращение рога из трубы в кубок маркирует момент падения: как отметил сам Белый, именно здесь мистика переходит в экстаз. Можно, таким образом, предположить, что название движения произошло из соединения двух центральных образов «Золота в лазури»: голубого неба, наполненного солнечным светом, и рога, с помощью которого поэт-маг собирает в поход единомышленников и радостно делит с человечеством доставшиеся ему дары. Однако в основополагающем манифесте «голубороговцев» от 1916 года Табидзе объяснял происхождение названия иначе: рог для питья – неотъемлемый атрибут грузинского застолья, а цвет голубой лазури воспет в 1841 году грузинским романтиком Николозом Бараташвили, скрывая или отрицая его связь со стихами Белого. Он поясняет: «Все грузинское искусство могло бы использовать голубые роги как знак отличия. Эти слова символически отличаются присущее грузинам мировоззрение». Не углубляясь в дальнейшее обсуждение этого вопроса, отсылаем заинтересованного читателя к научным статьям профессора Харша Рама, однако поясним, что в 30-40-х годах XIX века в России был очень популярен романс «Черный цвет» на слова неизвестного автора: «Черный цвет, мрачный цвет, Ты мне мил навсегда. Я кланусь, не влюблюсь В цвет иной никогда. И принудить меня, И заставить меня Разлюбить черный цвет Силы нет, власти нет! Отчего ж, спросит свет, Я влюблен в черный цвет? Я скажу: «Черный цвет – Цвет подружки моей». И пусть вдруг милый друг Позабудет меня, Черный цвет, мрачный цвет Все любить буду я. У меня мысль одна: Черный цвет и она – С ней навеки солью Мрачну душу свою. Расставаясь с землей, Облекусь в черный цвет. И пока в очах свет, Я влюблен в черный цвет». Александр Чавчавадзе перевел эти стихи на грузинский, и их запели в грузинских гостиных. И вот, в

ответ на эти стихи, Бараташвили написал «Синий цвет». «Цвет небесный, синий цвет, Полюбил я с малых лет. В детстве он мне означал Синеву иных начал. И теперь, когда достиг Я вершины дней своих, В жертву остальным цветам Голубого не отдам. Он прекрасен без прикрас. Это цвет любимых глаз. Это взгляд бездонный твой, Напоенный синевой. Это цвет моей мечты. Это краска высоты. В этот голубой раствор Погружен земной простор. Легкий переход В неизвестность от забот И от плачущих родных На похоронах моих. Это синий негустой Иней над моей плитой. Это сизый зимний дым Мглы над именем моим» (Перевод Бориса Пастернака).

ИСТОКИ

Особенностью духовной атмосферы, в которой воспитывались символисты, было отсутствие религиозности. Все символисты происходили из интеллигентных семей. У них с детства формировались естественнонаучные представления об окружающем мире, многие из них получили естественнонаучное образование. Так, отец Павла Флоренского, образованный инженер и талантливый ученый, высокопоставленный чиновник министерства путей сообщения России, не ограждал сына от веры, но и не наставлял специально, оставляя за ребенком право выбора – и православие стало сознательным выбором Павла Флоренского. Детские годы А. Белого прошли в атмосфере «профессорской» Москвы. По его воспоминаниям, в доме «был один культ, незримо разлитый в воздухе; и был жрец этого культа, отец; недаром его называли жрец науки; недаром его посещали иные «научные жрецы»; университет назывался храмом науки; кафедра сознанием изменялась в алтарь; лекция – в богослужение... Отец – первый мне встретившийся идеологический спутник».

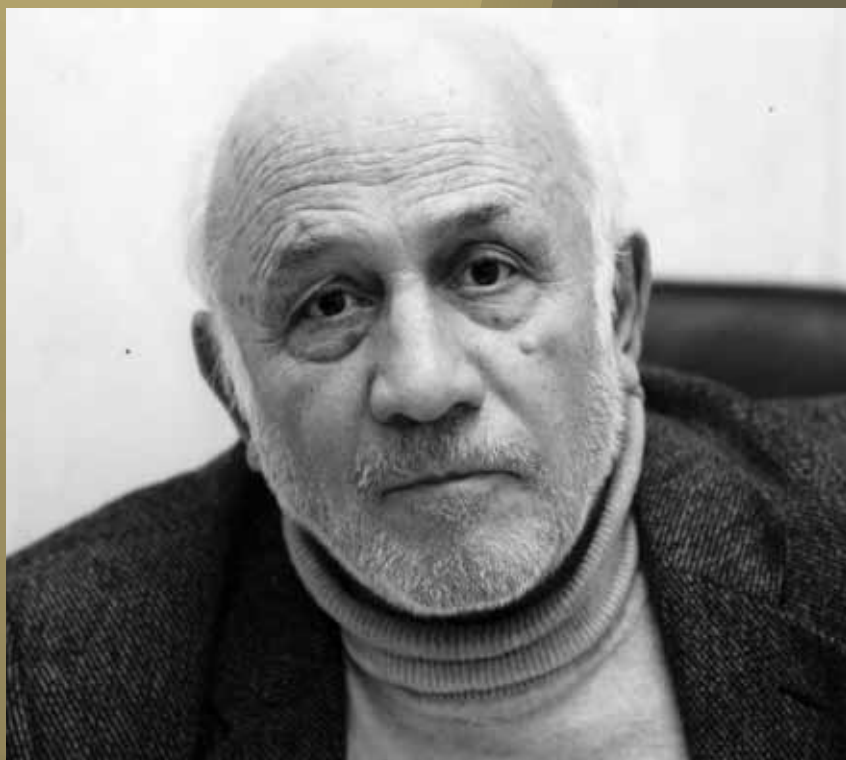
Борис Бугаев пришел к символизму, будучи гимназистом седьмого класса. Об этом мы читаем в «Материалах об Андрее Белом», опубликованных в журнале «Новое литературное обозрение». Не последнюю роль на пути Бориса Бугаева к

символизму сыграл Кавказ, с которым он впервые познакомился в мае-июне 1895 года в возрасте 14 лет, когда отдыхал с мамой в Кисловодске. Именно после этой поездки А. Белый увлекся буддизмом, оккультизмом, мистикой и философией. Одновременно с чтением книг по гипнотизму, спиритизму и вопросам философии он изучал литературу. Позже увлекся антропософией. На Кавказе, куда в конце 20-х годов в течение трех лет подряд они вместе с женой-единомышленницей совершали свои «антропософские паломничества», поэт был занят сложными построениями на темы вселенских судеб и древних цивилизаций, о которых он упоминает в книге «Ветер с Кавказа». Особый интерес у Андрея Белого вызывала кавказская геология. Великолепие пород, слагающих эти горы, приводило поэта в восторг. Белый считал эти камни настолько значимыми в эстетическом отношении, что видел в них источник вдохновения для своих будущих литературных произведений.

Формирование творческой личности Белого происходит в значительной степени под влиянием знакомства с семьей Михаила Сергеевича и Ольги Михайловны Соловьевых: «М.С. и О.М. Соловьевы остаются мне и старшими друзьями, и руководителями моих эстетических стремлений... им я, еще гимназист, читаю свои первые стихотворные опыты; они позднее одобряют мои юношеские «Симфонии»; М.С. Соловьев печатает под фирмой «Скорпиона» мою «Симфонию». Сам Борис Бугаев, чтобы скрыть свое творчество от родителей, которые могли не одобрить «декадентские» произведения, начал использовать псевдоним Андрей Белый, предложенный Михаилом Соловьевым. Имя «Андрей» ассоциировалось с греческим словом – «мужественный, храбрый». Кроме того, с именем Андрей связана традиция христианской святости на территории Кавказа и современной России, которая проследживается с первых веков новой эры. Андрей Первозванный, пройдя с евангельской проповедью в I веке Малую Азию,

Иверию, Колхиду, Сарманию, Киевские горы, дошел до Валаама, где до сих пор стоит каменный крест, вытесанный учениками апостола. «Белый» цвет символизировал чистоту, свет и духовную ясность, в противовес «черноте» и хаосу. В 1900-1902 годах Андрей Белый создает особую «симфоническую» форму, развившуюся в индивидуальный жанр. Александр Лавров в книге «У истоков творчества Андрея Белого» пишет: «Этот жанр не столько результат осознанных, целеустремленных поисков нового жанра, сколько непреднамеренное обретение адекватного способа самовыражения. Он возник сам собою, благодаря тому, что Белый в своих литературных экспериментах рискнул полностью покориться овладевавшей им музыкальной стихии. Почвой для этого были и интуитивный опыт, и художественные пристрастия Белого, и восприятие мира сквозь призму философии и эстетики Шопенгауэра, выделявшей музыку на особое место среди других искусств». По форме это нечто среднее между стихами и прозой. Их отличие – в особой напевности строк, которые имеют не только смысловую, но и звуковую, музыкальную подобранность друг к другу. Этот ритм – музыка жизни, и музыка не мелодическая, а самая сложная симфоническая, где прозаическое повествование строится по законам симфонической музыкальной формы. В программной статье «Формы искусства» поэт формулирует важный тезис об утверждении музыки как господствующего вида искусства и подчинении ей всех других видов. Именно эта идея стала основой всех его четырех «Симфоний», которые превратились в отправную точку нового течения русской прозы, часто называемого «орнаментальной прозой». Ее основоположником в начале XX в. считается А. Белый, хотя сам он и писатели его школы первым русским орнаменталистом и своим учителем называют Н.В. Гоголя.

Окончание следует

СЛЕД ЖИЗНИ

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

МОРЕ ПОД ЗВЕЗДАМИ И СТРОПТИВАЯ ДЕВОЧКА

Я стоял в распахнутых дверях тамбура и пел, горланил во всю глотку, и лязг и грохот вагона не заглушали меня. Остатки мальчишеского алта были выкрикнуты в колхидскую ночь. Встречный ветер волновал мягкими прикосновениями и незнакомыми запахами, их душно-терпкую смесь подпитывало влажное морское дыхание. Выбравшись из Имеретинских нагорий, поезд катил к морю, а вокруг простиралась Колхида, широкая пойма Риони, бывшие малярийные топи, выпитые эвкалиптами и кустами чая.

Наоравшись, я все-таки пошел вздремнуть, а когда рас-

крыл глаза, увидел море. Поезд стоял.

В вагоне царил тишина, за окном же вагона необозримо раскинулась синь. Чуть оливковая вблизи, она зыбко колыхалась, а вдали матово сливалась с небом.

Еще два часа неторопливого покачивания, и мы на месте.

В ту пору санаторий «Спорт» в Леселидзе был всесоюзной базой для предсезонной подготовки футбольных клубов, а также для легкоатлетов сборной Союза.

Санаторий занимал несколько гектаров при впадении реки Псоу в Черное море. Вся его территория делилась на три футбольных газона, один из которых охватывала гаревая дорожка и сектора для прыжков и метаний. Остальное пространство занимал парк, суб-

тропические дебри: эвкалипты перемежались ливанскими кедрами, кавказскими дубами, платанами и вязами; изредка попадались экзотические верные пальмы, а также магнолии с большими, как лотос, плоскими цветами. Дорожки парка были оторочены лавром и туей, а к столовой и административному домику подступал розарий с розами всех цветов.

В спальнях корпусов дыхание субтропического парка перебивал резкий санитарный запах хлорки, исходящий от туалетов и кранов. Такой контраст мог отравить существование, но окна наших спален были круглосуточно распахнуты, к тому же их обрамляли гроздьи глициний, сверкающих на солнце и источающих едва уловимый прохладный аромат.

Однако главным подарком для тех, кому повезло оказаться на сборах в санатории «Спорт», было море. Оно плескалось рядышком, за оградой, по ту сторону шоссе и неширокого пляжа. Совсем свое, почти домашнее, оно играло с нами, стараясь не напугать ненароком: так благодушный старший брат возится с подрастающей мелкотней.

Лето выдалось ровное, без штормов и экстрима; спасатели дрыхли на пляже, ни разу не выбросив предупредительного вымпела.

Тем благодатным летом мне исполнилось шестнадцать. Ей тоже было шестнадцать.

Мальчишкой я был влюбчив, впрочем, как все мальчишки с нормальным гормональным развитием. Со временем, в зрелые годы, я обратил внимание на одну особенность своих увлечений: у девочек, нравившихся мне, как на подбор, были необычные жеманные имена: Мариэтта, Генриетта, Тереза, Эмма, Мадлен... Не знаю, согласуется ли мое наблюдение с Фрейдом, но почему-то кажется, что избирательность мальчишеского сердца зародилась на давнем спектакле театра юного зрителя о царевне Несмеяне: увиденная в детстве жеманная капризная девчонка почему-то запала в душу. Ее тоже звали красиво и немного жеманно.

Не помню, как мы нашли друг друга, кто нас познакомил.

Я увидел ее на танцплощадке, в фокстроте с батумцем Мишей Онищенко, бегуном на средние дистанции, блондином с широко расставленными светлыми глазами. Они оказались не только из одного города, но из одной школы, что в тогдашнем моем восприятии «узаконило» их фокстрот, и ревность, с первого взгляда вспыхнувшая во мне, тут же погасла. Больше того – когда через полгода я поеду в Батуми, Миша предоставит мне кров и устроит нашу встречу у входа на Старый бульвар, близ белоснежного батумского «Интуриста».

На танцплощадке я увидел тоненькую девочку в спортивном костюме с копной темных волос и нежно очерченным удлиненным личиком.

Я не умел танцевать, танцплощадка с навязчивыми синкопами и движущимися в такт парами вызывала тягостное чувство стреноженности. Я с завистью смотрел на тех, кто выделял замысловатые па или просто топтался в толпе; особенно усиливали зависть экзотичные звуки монотонного «Каравана» и неотразимое попури из «Серенады солнечной долины». Я попросил было брата Игоря научить меня танцевать, но он отмахнулся.

Она без труда освободила меня от пут стреноженности – предпочла танцплощадке море под звездами, плеск волны и мерцающую лунную дорожку.

Пройденная нами часть жизни была так коротка, что мы в считанные часы исчерпали истории из школьной жизни, наблюдения над чудаковатыми учителями и экзаменационные казусы.

Неисчерпаемым оказалось то, что тянуло нас в ночь, к морю под звездами, что, перефразировав римского собрата, русский поэт назвал «наукой страсти нежной».

Коль скоро такое слетело с языка, придется признать – мы были не неопитами той науки, а приготишками, осваивающими азбуку, неуверенно выводящими первые буквы.

Возможно, мы были слишком осторожны, но пройти ту школу экстерном значит не обрести, а потерять.

У моря, под размеренное шуршание гальки, сбывался мальчишеский сон: тяжесть женского тела на коленях томила, а полнота жизни перехлестывала через край.

Поначалу мы вели себя, как лунатики, сходились только впотьмах, при свете звезд, устраивались у кромки волны и, как слепые, наощупь узнавали друг друга. Лучше и ближе знались наши губы, сухие, припухшие, опущенные детским еще пушком, влажнеющим от долгих поцелуев; те поцелуи в пору назвать пионерскими, если б не опасение быть уличенным в растлении малолетних. Мы угадывали цель нашего познания, но обходили ее, как взрывоопасную мину.

В двадцать первом веке, после триумфа сексуальной революции, смешна наша робкая нежность, не перешедшая в физическую близость. Но и на склоне лет, вглядываясь в след жизни, я не могу однозначно сказать: правильно ли мы вели себя у моря под звездами? Каждому свое.

В один из дней нас потянуло к далеким холмам в предгорьях Кавказа.

Мы отправились с утра, дабы вернуться к обеду. И, наконец, я по-настоящему разглядел ее при свете дня, так сказать, наяву. Ее дневной облик не проигрывал ночному, но отличался как цветной снимок от черно-белого. Копна волос, черных при свете звезд, обернулась светло-каштановой, с рыжинкой в завитках; удлиненный овал лица, загадочно бледный под луной, зарделся на припеке и сделался спортивней и проще. А вот глаза... Глаза озадачили. Во-первых, они оказались светлые, гораздо светлей, чем виделись в ночи. Высокие дуги бровей и в сумерках делали ее взгляд чуть удивленным; в свете дня это выражение усилилось, преобразившись то ли в вопрос, то ли в ожидание, а на полудетском личике проступило неуместное и совсем недетское выражение спеси.

С той же ясностью, как некогда своего Рекса перед деревенским домом, вижу ее на траве в тени крыжовника, где мы прилегли передохнуть: густая копна рыжеватых волос, удлиненное личико с маленьким ястребиным носом, чуть зардевшиеся щеки, розоватые припухшие губы и глаза, зажмуренные так плотно, что веки, отороченные мохнатыми ресницами, мелко-мелко дрожат...

Вдруг, сев на пятки, она оказывается перед крыжовником на коленях и обращается к нему с интонацией пай-девочки: это одна из ее милых причуд – разговаривать с морем, с камнем на пляже, с любым неодушевленным предметом, утрируя чуть заметную природную шепелявость. Сидит на пяточках перед кустом крыжовника и, зажав ладони между ног, просит: «Крыжовник, крыжовник, дай освежиться парой спелых ягод!» Привстав, обшаривает куст и находит налитые ягоды, одну ест сама, другую довольно бесцеремонно сует мне в рот. Я сплевываю вязкую кислотку, на что она, глядя чуть брезгливо, изрекает некую чушь, обериутскую абракадабру: «Что плеваешься, как вердиблюй...» – говорит она.

Эта милая ахиня почему-то застревает в моем сознании и всю жизнь вызывает улыбку умиления и что-то вроде зависти – я бы так не мог...

Все-таки лунатические свидания оказались предпочтительней дневных прогулок: возможно, мы бессознательно уклонялись от того, что высвечивал ясный день. Да и сил на походы не оставалось – близились соревнования, и мы много тренировались. Когда же удавалось сойтись в беседе на территории санатория, к нам присоединялся Миша Онищенко. В первые же дни он признался, что перед отъездом из Батуми ее родители попросили присматривать за девочкой, слишком общительной по батумским понятиям. «Уговор, братцы: вы не напрягайте меня, я не докучаю вам...» Миша был на два года старше нас, в том возрасте разница

заметная, позволяющая назидательный тон.

У моря за оградой санатория нам было уютно. Мы вернулись к себе после отлучки, и усыпанный галькой берег принял нас, как своих.

Южные ночи непроглядны. Нас у моря под звездами не видели ни товарищи по сборам, ни тренеры. И под шум прибоя мы возвращались к томительным урокам, от которых отвлекали только пограничники. Они возникали под хруст гальки, с собакой на поводке, слепили фонариком и под хруст гальки удалялись, разве что собака оглядывалась с живым, неутоленным любопытством.

«И чего ходят! — шептала она мне в ухо. — Людей пугают!» Иногда кричала вслед пограничному наряду: «Эй, солдатики, заблудились, что ли? Отсюда до Сарпи триста километров!» Тогда я не знал, что в Сарпи, рядом с ее родным Батумом, проходила госграница.

Сквозь рокот моря из санатория доносилась танцевальная музыка — «Рио-Рита», «Аргентинское танго», «Караван»...

Но вот в репродукторе что-то щелкало, и мужской голос сухо объявлял: «Товарищи участники сбора! Отбой! Отбой!» И вслед за этим, смягчая непререкаемую сухость дежурного по сборам, звучал мечтательно-грустный голос Шульженко: «Прощальный луч блеснул вдали, блеснул в последний раз...»

Как искренне грустил он! Прощался и утешал, и обещал новую встречу, но знал, что и она кончится.

В августе мы приняли участие в Спартакиаде школьников в Киеве, после чего разъехались по родным городам.

Наступила пора переписки, пора терпеливых хождений в Главпочтамт на Плеханова: по ее настоянию мы переписывались «до востребования» — у нее была склонность к конспирации.

Она и в письмах оказалась изобретательна: волнующие полунамеки и полупризнания воспроизводила печатными

буквами через зеркальное отражение. Над прочтением приходилось потрудиться, и не все удавалось расшифровывать. Некоторые письма скрепляла «своей печатью»: прижав ладонь к письму, обводила ее пером и посылала мне оттиск маленькой ладони. Эти эпистолярные выдумки нравились мне не меньше ахинеи про «плевающего вердиблюя».

Словом, я был влюблен и издали любовался строптивой девчонкой, живущей у моря.

К зиме письма стали сбиваться — и с ритма, и с тона. И я решил поехать в Батуми.

Денег на поездку не было, пришлось заехать в деревню, к тетушке Елене — благо Дзирула находилась на полпути к цели.

Зная тревожный характер тетушки, я решил не пугать ее дальностью поездки и сохранил: якобы, еду к товарищу по спорту в соседний Зестафони, всего-то в двадцати километрах. С этим бедная тетушка кое-как смирилась, но, глядя испуганными глазами, умоляла вернуться, если не через день, то не позже, чем через два дня!..

По дороге на станцию я встретил Резо, младшего сына дяди Габриэла. Ему я открыл свой подлинный маршрут и цель поездки. Резо подбросил еще денег и, качая головой, благодушно пожурил: «Силен, парень! В Батуми к подружке!.. Не мог в школе найти за соседней партией?..»

Неожиданные деньги вселили уверенность: я надеялся на гостеприимство Миши Онищенко, но теперь имел возможность на несколько дней снять жилье.

Однако, все сложилось как нельзя лучше: Миша с матушкой поселили меня в своей комнате, на раскладушке, я же по-своему сумел отблагодарить их.

Оказалось, что Мишина мама поет в кинотеатре; после войны зрители перед сеансом развлекали небольшими концертами. В тот год хитом стала песня об Индонезии. Написанная в ожидании визита

в Москву президента далекой страны, она вдруг заполонила эфир. Я записал Мишиной маме слова песни, которые знал наизусть, за что она не только простодушно поблагодарила, но и позвала на первое исполнение.

Мишина мама рада была исполнить в родном городе хит сезона, меня же ничто не радовало. Я был растерян и удручен. Каждый день мы сходились возле «Интуриста» у колоннады перед Старым бульваром, шли к морю и до сумерек бродили по пустому пляжу, спотыкаясь на крупной гальке. Не думаю, что мы все время молчали, но не помню ни слова из наших разговоров.

Рядом шумело море, свинцово-серое с белыми бурунами. Его угрюмый ропот заполнял наше молчание. Словно не было ни ночей под звездами, ни робкой любовной азбуки, ни долгой взволнованной переписки «до востребования».

В один из дней добрались до Ботанического сада. Там обнаружилась густо заросшая зеленью скала с беседкой на макушке. Со скалы во все стороны свисали необычайно крупные цветы на толстых стеблях: стебли гнулись под их весом и покачивались. Сочная зелень и большие покачивающиеся цветы — тропики в январе! Она косилась на меня, довольная произведенным впечатлением.

Мы полдня просидели в беседке на скале. «Как чета аистов», — с усмешкой заметила она. Невидимые с земли, мы ни разу не соприкоснулись, хотя место было удобное, словно специально устроенное для уединения. У нас были с собой мандарины, а перед поездкой в Батуми я стал курить и в беседке на скале смолил «Герцеговину-флор». Курил неумело, не сминая мундштука. Рот переполняла горькая табачная слюна. Цитрусовая цедра тоже горчила. Но горше всего был пустой, ничем не запомнившийся разговор.

С этим я и отбыл из Батуми... Летом она приехала в Тби-

лиси на республиканские соревнования. Их команду поселили в гостинице «Рустави», рядом с русским ТюЗом.

Я не застал ее в номере. Соседка сказала, что она предлагала ей подняться на фуникулере в парк и покататься на качелях.

Там я ее и нашел. Она так раскачала свою лодку, что почти переваливалась через поперечный брус. Цветастое платье то вздувалось за ней, то забивалось между ног. «Не дури! – крикнул я. – Слезай!» Она словно не слышала. Я уговорил распорядителя качелей, старика-армянина, притормозить лодку. «Смели девочка, – сказал он то ли с укором, то ли с сочувствием. – Очень смели девочка. Сыстра?» «Сестра, сестра!» – кивнул я.

Лодка со стуком стала спотыкаться об вылезшую из настила доску, уменьшая размах, и остановилась. Она вышла из лодки и, не глядя на меня, бросила: «Ну и глупо! Хотела бы я знать, что ты предложишь взамен в своем Тбилиси...»

Пришла беда – отворяй ворота. На соревнованиях в первый же день она вывихнула ногу. Легкая, тоненькая, она прыгала в длину. Эта разновидность королевы спорта, самая примитивная в ее разнообразном наборе, соответствовала ее физическим данным, в остальном же была чужда, я сказал бы – противоположна ее характеру и облику. Не случайно она оставила спорт после первой же травмы, залеченной в диспансере на стадионе «Динамо».

К моему удивлению спортивный диспансер обнаружился на стадионе, знакомом мне как дом родной. Он располагался на верхотуре западной трибуны, почти по центру, и представлял собой довольно большое медицинское заведение с палатами, процедурными и массажными кабинетами.

Дней десять я регулярно ходил туда с кулечком черешни или подтаявшим мороженым. Она появлялась на косты-

лях, поджав вывихнутую ногу. Устраивались неподалеку от диспансера, уложив рядышком костыли, ели черешню или торопливо уплетали мороженое. Потом она ковыляла в палату, мыла руки и возвращалась – бледная, унылая.

Так и вижу нас, сиротливо сидящих на пустой трибуне стадиона возле ее костылей.

Дежурная медсестра, переодевшись после работы, проходит мимо и с игривой улыбкой бросает: «До завтра, голубки! Не грустите...»

А мы сидим на краю гигантской голубой чаши и впрямь как два нахохленных голубя, и перекидываемся короткими фразами: «Который час?» – «Пятый». – «В пять мне на массаж!» – «Подождать?» – «Как хочешь...»

Однажды нам повезло, мы оказались свидетелями тренировки Нины Думбадзе. Зрелище было поистине античное, достойное Мирона и Праксителя. Великолепно сложенная великанша в обтянутых трико и безрукавке метала диск: широкий замах переходил в плавный разворот и завершался захлестом, по резкости схожим с ударом бича; сорвавшийся с ладони диск долго летел, посверкивая металлическим ободком, и шмякался в центре поля.

– Все-таки она очень большая, – она сказала это не с завистью, а с детской обидой.

– Каждому свое, кузнечик, – усмехнулся я и коснулся ее руки.

Она не убрала руку и слабо улыбнулась.

На десятый день я проводил ее на вокзал. Она не хромала, но опиралась на тросточку, подаренную вылечившим ее травматологом.

Из окна вагона смотрела рассеянно и нетерпеливо.

Когда поезд тронулся, попыталась опустить вагонное стекло, но не сумела и досадливо махнула рукой. Жест в точности отразил наше состояние – ее да и мое тоже...

Грузия – маленькая страна, но за прошедшие годы мы ни

разу не встретились.

Лет через пять до меня дошел странный слух: будто бы она велела влюбленному в нее молодому человеку ударить ножом ее обидчика. Молодой человек выполнил поручение. Дождавшись его освобождения из тюрьмы, она вышла за него замуж.

За достоверность не поручусь, тут важнее другое – я поверил. Так могло быть. Более того – без эксцесса, хотя бы небольшого, ее жизнь осталась бы незавершенной.

Прошло еще лет пятнадцать, за которые я почти сделался москвичом, время от времени наезжающим в родные края.

В начале восьмидесятых оказался в Тбилиси. И вот ярким зимним днем, проезжая в троллейбусе мимо оперного театра, увидел на противоположной стороне проспекта Руставели необычную пару. Близилась весна, день стоял солнечный, но холодный. На женщине была дорогая шуба светло-рыжего цвета, расстегнутая и распахнутая; на мужчине – темное драповое пальто, тоже демонстративно распахнутое. Они шли вместе, но не рядом, встречные прохожие легко проходили между ними. В поведке странной пары была какая-то демонстративность, что-то вызывающее; своей подчеркнутой расхристанностью они как бы выражали пренебрежение столичному укладу знаменитого проспекта. Им нравилась своя выходка, они упивались ею. Мужчина был статен и, кажется, хорош собой. А в женщине я узнал ее. Когда троллейбус отошел от остановки, я был почти уверен, что женщина в распахнутой шубе – она, девочка с тонким лицом и ястребиным носиком, та, что много лет назад предпочла тесной танцплощадке санатория «Спорт» море под звездами и азы нежной науки, воспетой римским изгнанником.

Продолжение следует...

ГРАНИЦЫ – ЭТО НЕ ДЛЯ ПОЭЗИИ

Для того, чтобы во всей полноте и красе представить вам Андрея Коровина, нам не хватит ни абзаца, ни даже всей страницы. Поэт, критик, журналист, куратор культурных проектов, организатор и руководитель литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом», организатор и сопредседатель Международного культурного проекта «Волошинский сентябрь», заместитель председателя комиссии по работе с молодыми писателями Союза российских писателей, соучредитель Гумилевского общества... И далее, и далее.

Сегодня Андрей Коровин отвечает на вопросы **Анны Бер-**

дичевской – как поэт поэту.

– Когда вы впервые побывали в Грузии?

– В 2013 году. Мне посчастливилось быть участником VI Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «Во весь голос», посвященного 85-летию со дня рождения Нодара Думбадзе и 120-летию со дня рождения Владимира Маяковского. Мы жили вначале в Тбилиси, потом в Батуми, но при этом путешествовали по стране, побывали на родине Маяковского в Багдати и на родине Нодара Думбадзе, в селе Хидистави. Стихи участники фестиваля читали постоянно везде, где

могли – и днем, и ночью!

– Есть ли у вас друзья из грузинских поэтов?

– Еще до этого фестиваля я подружился с поэтом Шотой Иаташвили. Было много прекрасного общения с Мананой Менабде и другими грузинскими поэтами и прозаиками.

– «Булгаковский Дом» – уникальная клубная площадка. Вы, как я понимаю, участвовали в ее «придумывании» и создании.

– «Булгаковский Дом» – это уже почти половина моей жизни. Я пришел туда, когда музей только-только возник, и привел туда свой литературный клуб, который вначале создавался в Театре песни Виктора Луферова «Перекресток» на Соколе.

– Как он изменился за 20 лет?

– За 20 лет формат и состав участников литературного салона неоднократно менялся. За эти годы у нас выступали чуть ли не все значимые поэты и прозаики: Наум Коржавин, Андрей Битов, Евгений Евтушенко, Анатолий Ким, Бахыт Кенжеев, Александр Еременко и многие-многие другие. Это сотни, если не тысячи имен. Многим молодым авторам салон дал путевку в жизнь. Здесь проходили мастер-классы, поэтические спектакли, литературные капустники, фотовыставки, фестивали, вечера памяти ушедших поэтов. Чего только не было за 20 лет!

– Вас переводили на множество языков. А на грузинский?

– На грузинский язык меня переводил Шота Иаташвили, большая подборка выходила в грузинском журнале.

– А вы сами переводили?

– Я тоже переводил Шоту, мои переводы публиковались в антологии грузинской поэзии, изданной в ОГИ – «Объединенном гуманитарном издательстве».

– Что вы думаете о русско-грузинских фестивалях, литературных вечерах?

– Насколько я знаю, тот легендарный русско-грузинский поэтический фестиваль сейчас не проводится. Так жаль! Ведь он объединял русских и грузинских поэтов со всего света! А совместные вечера обязательно должны проходить. Границы – это не для поэзии.

ОТ КНЯЗЯ ДО КАТОЛИКОСА, ОТ ПОЭТА ДО ДИРЕКТОРА ТЕАТРА

■ Рубен ПАШИНЯН

А знали ли вы, что долгие годы Тбилисским театром имени Грибоедова руководил потомок одного из древнейших армянских княжеских родов? Константин Язонович Шах-Азизов – человек сцены, педагог и организатор, благодаря которому театр пережил расцвет, – происходил из рода Камсаракан, который еще в древности считался вторым по могуществу после царской династии Аршакидов.

Одна из известных ветвей этого рода – Шахазизяны (Шахазизовы). Именно они в разные эпохи подарили армянскому народу и Кавказу людей, сыгравших заметную роль в духовной и культурной истории.

Фамилия Шахазизян уходит корнями в историю рода Камсараканов. Согласно семейному преданию, после того как часть Камсараканов оказалась при персидском дворе, шах настолько благоволил к ним, что даровал новое имя – «азизы шаха», то есть «дорогие, любимые шахом». Слово «азиз» в

фарси и арабском языке означает «ценный», «уважаемый». Вернувшись в Армению, в Аштарак, их потомки уже носили фамилию Шахазизян.

ОТ ДРЕВНИХ КРЕПОСТЕЙ ДО ТЕАТРАЛЬНЫХ ЗАЛОВ

Род Камсаракан восходит к Каренидам-Пахлевидам. Эти князья владели землями Айратат-Аршаруник и Ширак, где возвышались Ервандашат и Ани – города, чье величие до сих пор поражает воображение. И хотя средневековые крепости давно обратились в камень и легенды, наследники Камсараканов сумели сохранить влияние. Только теперь оно выражалось не в военной силе, а в культуре, просвещении и общественной жизни.

Представители Камсараканов не раз занимали высокие должности и оставили след в политической, научной и культурной жизни. Так, Исаак, предположительно принадлежавший к этому роду, был имперским экзархом Италии в

625-643 годах. Нарсес II Камсаракан в 689-691 гг. возглавлял Армению от имени византийского императора и получил высокий титул куропалата. В новое время Камсараканы также продолжали служить: Константин Петросович Камсаракан (р. 1840) дослужился до генерал-лейтенанта, а его брат Аршак Петросович (р. 1851), генерал-майор русской армии, участвовал в Русско-турецкой войне и был удостоен многочисленных наград.

КАТОЛИКОС И ПРАВИТЕЛЬ

Среди них особое место занимает Нерсес Аштаракец (в миру Торос Шахазизян, позже католикос Нерсес V). Он был не только религиозным лидером, но и просветителем, политиком, стратегом. По его инициативе в 1824 году в Тифлисе открылась школа, впоследствии превратившаяся в Нерсисянскую семинарию – один из важнейших центров образования.

Звездный час Нерсеса Аштаракца наступил в 1826 году, когда разразилась русско-персидская война, во многом вызванная его дипломатическими усилиями. В поддержку российской армии он сформировал армянские добровольческие отряды, которые проявили мужество в боях. В своих обращениях к соотечественникам Нерсес на-

Нерсес Аштаракец

Смбат Шах-Азиз

стойчиво призывал их помогать русским войскам и поддерживать освободительное движение.

13 апреля 1827 года, в день, вошедший в историю, Нерсес Аштаракети вместе с армянскими ополченцами и русскими войсками торжественно вступил в Св. Эчмиадзин. Их встречали крестным ходом и перезвоном колоколов. После окончательного освобождения Восточной Армении он был назначен одним из двух временных правителей Армянской области. По его инициативе из Персии на родину вернулись около 40 тысяч армян. За заслуги перед Российской империей Нерсес Аштаракети был удостоен ордена Святого Александра Невского.

В 1843 году Нерсес Аштаракети был единогласно избран Католикосом Всех Армян. В этот период его деятельность была связана уже не только с духовным служением, но и с борьбой против политики царской власти, ограничивавшей права и влияние Армянской Апостольской Церкви.

АРМЯНСКИЙ БАЙРОНИСТ

В XIX веке в этом роду появился Смбат Симонович Шах-Азиз – поэт и публицист. Родившийся в Аштараке в 1841 году и завершивший свой путь в Москве в 1908 году, он был яр-

ким представителем армянской интеллигенции. Его творчество питало духовные искания поколения, для которого литература была не просто словом, а способом выживания и утверждения национальной идентичности. Лирику Смбата Шах-Азиза переводили выдающиеся русские поэты. Среди них Ходасевич и Брюсов. «Во вторник, 25-го декабря скончался в Москве один из самых крупных армянских поэтов – Смбат Шах-Азиз. Покойному было более 70-ти лет. Творчество его иссякло довольно давно, но то, что он написал в годы юности и зрелости, принадлежит к числу драгоценнейших перлов армянской поэзии. В армянской поэзии Шах-Азиз занимал совершенно определенное место. Он был самым крупным представителем армянского байронизма», – газета «Русское слово».

СЦЕНА ВМЕСТО ТРОНА

Спустя десятилетия, в XX веке, внуки и правнуки князей Камсараканов вновь заявили о себе. Только теперь их арена – сцена.

Константин Язонович Шах-Азизов родился в Тифлисе в 1903 году. Его отец, ветеринарный врач Язон Александрович, погиб от рук казаков, когда сыну было всего два года. Мать, Надежда Ивановна Питоева, одна подняла троих детей. В годы войны семью разметало, и Константин рос один. Грузия 1920-х годов жила театром. Окончив реальное училище, Шах-Азизов вышел на сцену любительских коллективов, а вскоре вместе с единомышленниками основал Первый пролетарский театр комсомола Грузии. Под псевдонимом Константина Муромцева он играл преимущественно характерные и комедийные роли, параллельно учился в Драматической студии имени Грибоедова. Это была школа не дипломов, а профессии, и опыт работы на сцене оказался для него настоящим испытанием на пригодность.

Разбираясь с организацией театра, он освоил все стороны дела – от материальной до художественной. Позднее, став директором, Шах умел и выбирать пьесу, и поддержать дра-

матурга, и пригласить актера, и направить режиссера.

В Тбилиси он одним из первых организовал детский театр, позже стал одним из основателей русского ТЮЗа. В стране, где было много беспризорников, сцена становилась для них школой культуры и грамотности. С 1933 по 1945 год Шах-Азизов возглавлял Русский драматический театр имени Грибоедова, сделав его известным далеко за пределами Грузии.

О театральных директорах пишут редко, чаще всего упоминают мимоходом. Но Константин Шах-Азизов заслуживает большего. В труппе его называли просто – Шах. Не только за требовательность и любовь к порядку, но прежде всего за то, что именно ему во многом обязаны своими успехами коллективы, где он работал. Начав в Тбилиси и став одним из организаторов детских театров Закавказья, он с 1945 года почти три десятилетия возглавлял Центральный детский театр в Москве. В протоколах Художественного совета ЦДТ его реплики звучат наравне с мнением творцов – к ним прислушивались.

Друзья зовут Вас Шахом,
Вы – Шах с большим
размахом.
Понятно, не в Иране,
Не подданным на страх.

Константин Шах-Азизов

Труппа Грибоедовского театра. 1940-е гг.

Вы – Шах в советском плане,
Центрально-детский Шах.
Фигурою дородной,
С улыбкой на устах
Вы – Шах международный
И очень мудрый Шах.
И я люблю Вас – ах!

Агния Барто

Главным его даром было чутье на талант. В Тбилиси он помог начать путь Георгию Товстоногову. Шах поверил в Виктора Розова, чью первую пьесу «Ее друзья» упорно запрещали, но именно ЦДТ поставил ее и другие его работы. Под его руководством здесь начинал Олег Ефремов, не принятый во МХАТ. Но у Шах-Азизова он нашел свою первую сцену, сыграв Иванушку-дурачка с такой смекалкой и озорством, что публика запомнила его надолго. Художественный театр без колебаний расстался с Марией Осиповой Кнебель, выдающимся педагогом и режиссером. А кто сделал ее художественным руководителем? Шах-Азизов. Он же пригласил в Москву молодого Анатолия Эфроса из Рязани и доверил постановку Георгию Товстоногову, приехавшему из Грузии. Их спектакль «Где-то в Сибири» удивил публику необычайной жизненной правдой.

«Мне повезло, – писал Товстоногов. – Я начинал свой путь рядом с ним, и лучшим в себе

обязан ему». А Виктор Розов вспоминал: «Сильной рукой, как плотовщик, он поворачивал руль моей судьбы. И повернул. Еще и еще протягивал он мне свою крепкую руку в минуты опасностей». Олег Ефремов, считавший Шах-Азизова одним из самых ярких людей послевоенной театральной Москвы, отмечал: «Казалось, он знает о театре все. Кто-то должен собрать людей, зажечь – Шах был именно таким. Его вкус и вера в искусство были связаны с реалистической правдой театра, идущей от Щепкина – через Станиславского и Немировича-Данченко к нам».

Шах-Азизова уважали коллеги: он умел быть твердым, но никогда не ломал молодые крылья. В его театре девизом было: «Учитесь любить актера». Он помогал своим артистам во всем – от творческого поиска до решения житейских проблем.

Шли эпохи, шли минуты,
Шли секунды и века,
Только что-то почему-то
Нам не нравилось пока.

Не давило нам,
И не жало нам,
И чего-то вроде как-то
Не хватало нам...
Век XX-й бросил вызов,
Бросил вызов, кликнул клич
И родился Шах-Азизов,
Константин Язонович!

И в театре каждый шаг,
шаг, шаг
Раньше всех ступает Шах,
Шах, Шах!

Знаменит на целый мир
Добытанием квартир.
Виктор Розов пьесы – во! –
Пишет только для него,
Под его рукой пророс
Обожаемый Эфрос.

Рады зрители,
И родители,
И художественные
Руководители.
И у всех артистов
Дух новаторства неистов,
И фантазия богата,
И зарплата, как у МХАТа!
И все это – ох и ах! –
Сделал милый, добрый Шах!
Эх! Ох! Ух! Ах!
Даже звон стоит в ушах!

Зиновий Гердт
и «образцовцы»

С 1960-х годов он активно участвовал в работе Международной ассоциации театров для детей и юношества (ASSITEJ), став ее вице-президентом, а позже президентом и почетным президентом.

В 1974 году Константин Язонович оставил пост директора Центрального детского театра, но его имя навсегда осталось связано с целой эпохой в исто-

рии отечественного театра для детей.

СОВРЕМЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

История рода Камсаракан – это не только древние летописи и оборонительные башни. Это и школа в Тифлисе, и стихи, написанные в Москве, и аплодисменты в зале Тбилисского театра. А главное – это живые голоса потомков. Армянский и политический деятель Саркис Шахазизян долгие годы занимал пост министра окружающей среды Армении, внося вклад в развитие экологической политики.

Предоставленная им информация легла в основу данной статьи. А его родственница, известная пианистка и педагог Анаит Чаушян (по матери Шахазизян), хранит память о своем дедушке – Генрихе Шахазизовиче Шахазизяне, руководителе армянского автопрома, человеке, который стоял у руля важнейшей отрасли промышленности. Их родовая линия восходит к родному брату Нерсеса V Аштаракеци.

В заключение, пару слов от потомка – о том, как легендарное прошлое соседствует с сегодняшним днем.

Анаит Чаушян:

– История фамилии для меня неразрывно связана с моей мамой – Гоар Шахазизян, врачом-офтальмологом, дочерью Генриха Шахазизяна. Кстати, деда, как и Константина Язюновича, близкие звали просто – Шах. Он был человеком ярко одаренным и сильным, но сила его характера заключалась не во властности, а в умении без лишних слов и жестов сделать так, чтобы рядом с ним каждый чувствовал себя счастливым и защищенным.

Помню рассказы о прадеде, виноделе, который вел торговлю с Россией и другими странами, и вместе с 13-летним сыном ездил в Ростов. Когда он умер, мой дед остался без отца и вынужден был работать с юности, чтобы содержать семью. Эти испытания только закалили его характер. Позже, получив образование в Ленинграде, на авиационно-инженерном факультете, он добровольцем ушел на фронт. После тяжелого ранения в 1943 году вернулся в Ереван, где сумел построить новую жизнь: создал крепкую семью, участвовал в строительстве Гюмуш ГЭС, был директором автомобильного завода и недолго занимал пост заместителя министра автомобильной промышленности.

Дед прекрасно играл на армянских инструментах, в том числе на кяманче, которую взял с собой даже на фронт. От него я унаследовала любовь к армянской народной музыке. С отцовской стороны в семье были классические музыканты, а с дедушкиной стороны (по матери) я впитала подлинный армянский мелос.

После смерти дедушки к нам приезжали его боевые товарищи. Из их рассказов мы узнали, сколько жизней он спас на фронте, вытаскивая раненых под пулями. Это было братство, а не просто дружба. Его жизнь стала примером благородства и силы духа, а его принципы – «честь и человечность выше всего» – передались детям и внукам. Сегодня стало модно искать благородные корни. Но для моей семьи эта традиция никогда не была игрой или да-

Генрих Шахазизян

нию моде – это осознание ответственности перед прошлым. Ведь в нашем роду были Нерсес Аштаракеци, Смбат Шахазиз, Константин Язюнович и многие другие достойные сыны отечества, внесшие вклад не только в историю и культуру Армении. Но даже это не освобождает каждого из нас от личной ответственности за собственную жизнь и поступки.

Я выросла в семье, где уважение к корням сочеталось с высокой требовательностью к себе. Это определило и мою жизнь. Я окончила Ереванскую консерваторию, затем продолжила образование в Брюссельской консерватории и Королевской академии Лондона. Сегодня преподаю в школе имени Иегуди Менухина, где учатся дети со всего мира. Живя в Англии, я особенно остро вижу, как важно знать историю своей семьи. Здесь люди помнят своих предков на протяжении веков – по старым фотографиям, картинам, гравюрам. У армян же нередко война и трагедии вырывали страницы из семейной хроники. Тем важнее самим сохранять и передавать потомкам все, что мы знаем...

Анаит Чаушян

Команда «Динамо» Тбилиси. 1977

ФУТБОЛЬНЫЕ СТРАСТИ: В ШАГЕ ОТ ТРАГЕДИИ

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

Футбол – самый популярный в мире вид спорта, доставляющий удовольствие и радость миллионам болельщиков. Но нередко футбольные страсти становятся причиной или поводом для осложнения отношений между людьми и даже странами.

23 июля 1977 года на тбилисском стадионе «Динамо» после матча чемпионата СССР между нашей любимой командой и командой «Заря» Ворошиловград произошли события, которые тогда ни грузинские, ни всесоюзные газеты и телекомпании никак не осветили (в СССР была жесткая цензура), но о них очень много рассказывали западные радиостанции, да и сейчас нередко вспоминают в СМИ разных стран. Скажем прямо: эти события могли привести к большому кровопролитию.

В тот самый день я был на стадионе «Динамо». Мне есть что рассказать читателям как очевидцу тех событий.

Мне было тогда 17 лет. После окончания первого курса истфака Донецкого госуниверситета я проводил каникулы в родном Сухуми и, конечно, предложил моему отцу, большому фану футбола, поехать в Тбилиси на матч. Его упрасивать не пришлось – отец в 1960-1970-е годы вместе с друзьями и коллегами объездил почти весь СССР, болел за тбилисское «Динамо» в выездных матчах, и несколько раз в год ездил из Сухуми в Тбилиси на домашние игры ведущей команды Грузии. А я 23 июля 1977 года оказался в Тбилиси впервые в жизни. Вместе с нами на игру приехал и Нодар Схулухия, знаток футбола, давний друг моего отца.

На тот момент тбилисцы занимали второе место в чемпионате СССР. На первом были киевские динамовцы. На матче присутствовало 65 тысяч зрителей.

«Если в первом тайме гости оставили приятное впечатление

своими острыми контратаками и дружной игрой в обороне, – сдержанно писала газета «Советский спорт», – то после перерыва на поле была словно другая команда. Играла теперь одна команда – «Динамо», другая больше старалась игру разрушить».

С самого начала второго тайма обстановка на трибунах накалилась. Почти весь стадион несколько раз скандировал «Судью на мыло», так как рефери в поле Ромуальдас Юшка из Вильнюса просто «не замечал» грубые действия защитников «Зари» против Давида Кипиани, Реваза Челебадзе, Владимира Гуцаева, Виталия Дараселия, Рамаза Шенгелия и других игроков «Динамо». Рефери «не заметил», как гости недалеко от штрафной два раза сыграли рукой, игнорировал такие нарушения, которые тянули на штрафные либо пенальти. Это было очень удивительно, ведь Юшка

был хоть и молодым (35 лет), но опытным человеком в футболе. Он играл в клубах Литвы, Украины и РФ, в 1970 году его признали лучшим футболистом Литвы, с 1974 года он был арбитром, в 1975 году стал судьей всесоюзной категории. Он не должен был допускать таких очевидных ошибок! Дело было не в его квалификации, а в том, что 23 июля 1977 года он судил явно в пользу гостей. Видимо, его об этом попросили.

Сам Юшка через много лет в интервью литовским журналистам пытался объяснить свои действия. Но либо ошибался, либо лукавил. Так, он говорил, что «в конце матча он дал свисток, после чего динамовцы продолжили атаку, и Реваз Челебадзе упал в штрафной площадке, а потом динамовцы потребовали пенальти». Во-первых, на 88-ой минуте сбили не Реваса Челебадзе, а Тамаза Костава. Я четко видел этот эпизод с трибуны, и это подтвердили в беседе со мной и Реваз Челебадзе, и Тамаз Костава. Во-вторых, после того как гости сбили динамовца в штрафной «Зари», судья вдруг дал свисток об окончании встречи, хотя оставалось играть еще две минуты — на табло было ясно написано. Все произошедшее удивило футболистов тбилисского «Динамо» и возмутило многочисленных зрителей. Помню, сразу после свистка на газон выскочил, как таран, взрослый мужчина-болельщик и попытался ударить арбитра, но его остановили футболисты «Динамо». А не милиция, как утверждал Юшка. Милиция вмешалась позже.

Р. Юшка впоследствии отмечал, что на поле полстадиона двинулось — чуть ли не 30 тысяч человек. На самом деле на поле вышло от трех до пяти тысяч болельщиков (что, конечно, тоже немало). Все остальные, в том числе я, отец и дядя Нодар, остались на трибунах. Незначительная часть зрителей покинула стадион. Все возмущались не столько ошибками судьи, а тем, что это был далеко не первый случай, когда арбитры зажимали динамовцев Тбилиси. В Грузии это многими воспринималось как давление московских

спортивных чиновников с целью не допустить чемпионства нашей команды в первенстве СССР. Сидевшие рядом с нами на трибунах фаны со стажем вспоминали, как в 1953 году у «Динамо» Тбилиси фактически отобрали первое место и завоеванное чемпионство, заставив переиграть в Москве выигранный там же матч у московского «Торпедо».

23 июля 1977 года после финального свистка арбитра Юшка игроки и судьи под охраной милиции ушли в раздевалку, но зрители, выбежавшие на поле, не расходились. Не покидали стадион и десятки тысяч людей, сидевших на трибунах. Легендарный комментатор Котэ Махарадзе из радиорубки обратился к зрителям с просьбой разойтись. Затем на поле к болельщикам вышел любимец публики, маэстро футбола Давид Кипиани, но фаны, любя, подняли его на руки и унесли обратно в раздевалку (кстати, Кипиани был признан лучшим футболистом СССР в 1977 году). Зрители требовали гарантий переигровки матча, дисквалификации арбитра и восстановления справедливости.

Затем по мегафону к зрителям обратился Эдуард Шеварднадзе. Но несмотря на просьбу первого секретаря ЦК КП Грузии разойтись, никто не расходился. Обстановка накалялась на глазах, зрители кипели от негодования, градус агрессивности повышался. И тогда Шеварднадзе неожиданно покинул правительственную ложу и вышел на поле. Он описал этот эпизод в мемуарах «Мысли о прошлом и будущем»: «Волнения на трибунах начались из-за ошибок судьи. К этому добавилось то, что в конце матча арбитр не назначил пенальти, не знаю, арбитр все это сделал случайно или специально, но трибуны буквально взорвались от недовольства. Тысячи зрителей выбежали на поле, мы сумели спрятать арбитров в подтрибунных помещениях, но зрители перенесли свой гнев на стражей порядка. Я два раза по мегафону обратился к зрителям, но они не расходились. Раз это не подействовало, то я решился на действия, которые могли вызвать шок в то время: с ложи

я соскочил прямо в людскую массу на трибуну стадиона, со мной было несколько охранников, зрители уступили мне дорогу, и я пошел на поле, где было много молодежи. Я обратился к ним: «Ребята, вы же видите, я с вами. С судьями мы вопрос решим, а сейчас идемте за мной». Я направился к выходу стадиона, и эта масса людей пошла со мной к выходу, а потом мы вместе прошли по улице почти полкилометра. Было очень жарко, моя одежда уже была мокрой от пота, я подустал и вновь обратился к болельщикам с просьбой: «Ребята, я устал, мне плохо, могу упасть». Молодые дали мне коридор, попрощались и разошлись по домам. Нам удалось избежать кровопролития».

В июле 1997 года в Тбилиси, в Госканцелярии проходила пресс-конференция президента Шеварднадзе. Я его спросил: «Говорят, что 20 лет назад, в 1977 году, вас вызвали в Политбюро ЦК КПСС и сделали выговор за то, что вы нарушили инструкции безопасности и вышли

Игровые моменты матча

на поле стадиона к разъяренным зрителям?» Шеварднадзе ответил так: «Да, в Политбюро был разговор на эту тему, кое-кто предлагал наказать меня, но Брежнев остановил их, сказав: «Может быть, Эдуард Амвросиевич и нарушил инструкции, но он избежал кровопролития. Брежнев поддерживал остальных члены Политбюро, хотя кое-кто все-таки хотел моего наказания».

Скажу откровенно: я как журналист много раз критиковал политику Шеварднадзе в бытность его руководителем независимой Грузии – за то, что он не смог решить главные проблемы Грузии, не смог вывести страну из тупика. Но следует признать, что 23 июля 1977 года на стадионе «Динамо» он поступил правильно и смело.

Особо хочу отметить, что в тот вечер почти одновременно с Шеварднадзе на футбольное поле, но с разных сторон, вышли капитан динамовцев Манучар Мачаидзе и – во второй раз – Давид Кипиани. Благодаря своему авторитету и умению общаться с фанатами, часть зрителей, выбежавших на поле, на улицу со стадиона вывели именно они.

Для полноты картины я попросил поделиться воспоминаниями о том матче наших знаменитых футболистов.

Реваз Челебадзе в матче с «Зарей» доставил немало хлопот обороне гостей. «В сезоне 1977 года мы могли стать чемпионами СССР, поэтому каждый матч имел важное значение, – рассказал мне форвард тбилисского «Динамо» и сборной СССР. – Встреча с «Зарей» выдалась сложной, мы играли гораздо лучше, чем соперник,

создали немало опасных моментов у ворот гостей. Я тоже мог забить, но не удалось, а в одном эпизоде мой нос столкнулся с головой защитника Александра Журавлева. Мне оказали первую медпомощь, но после игры выяснилось, что у меня травма носа, и я даже пропустил товарищеский матч сборной СССР с ГДР 28 июля 1977 года в Лейпциге. Шота и Давид тогда сыграли, а на моем месте в составе выступил форвард ташкентского «Пахтакора» Владимир Федоров. Игра в Лейпциге прошла на фоне наших эмоций от драматического матча в Тбилиси. СССР проиграл со счетом 2:1. Но это было потом, а сразу после матча и динамовцы, и «Заря», и арбитры около часа сидели в раздевалке – выходить со стадиона было нежелательно. Конечно, Юшка в том матче допустил множество односторонних ошибок. И в последующие годы он ни разу не приезжал в Грузию для судейства. Но один раз ямы все-таки встретились с ним в матче – это было в августе 1980 года в Москве, где в финале Кубка СССР встретились «Динамо» Тбилиси и «Шахтер» Донецк. Мы проиграли 1:2. В этом матче Юшка опять принял немало спорных решений, но на этот раз он допустил меньше грубых ошибок, чем в 1977-м в Тбилиси».

«Мы много атаковали, – вспоминает тот матч с «Зарей» полузащитник Вахтанг Коридзе, – имели отличные голевые моменты, в том числе и я мог забить, но это был не наш день – гостей выручали то штанга, то вратарь, то судья Юшка, который не назначил минимум два явных пенальти в ворота «Зари». После матча Юшка и его помощники более часа находились под усиленной охраной милиции в специальной комнате на территории стадиона, а затем их тайно вывели со стадиона. Говорили даже, что на Юшку при этом надели форму милиционера, не знаю, правда это или нет».

«Как можно забыть тот матч! – восклицает защитник тбилисского «Динамо» и сборной Грузии Нодар Хизанишвили. – Зрителей, недовольных и возмущенных судейством, трудно было остановить. Обращения Котэ Махарадзе, Давида Кипиани и Эдуарда Шеварднадзе не смогли разрядить ситуацию. И тогда Шеварднадзе вышел на поле и увел оттуда болельщиков на улицу. А ведь могла произойти трагедия. Около стадиона уже находились военнослужащие дислоцированного в Тбилиси полка внутренних войск МВД СССР, они ожидали из Москвы приказ, чтобы войти на стадион и разогнать тех зрителей, кото-

Ромуальдас Юшка

рые были на поле. Слава богу, что до этого дело не дошло и удалось избежать кровопролития».

В тот вечер, 23 июля 1977 года, жертв не было, но часть зрителей и сотрудников правоохранительных органов получили травмы в ходе стычек на беговой дорожке стадиона сразу после окончания игры, были повреждены как минимум одна противопожарная машина и один автомобиль скорой помощи. Официальных цифр о количестве пострадавших я нигде не встречал, но по данным, полученным от работников медицинских служб и правоохранительных органов, травмы разной степени получили от 10 до 20 человек. Несложно представить, что могло произойти, если бы на стадион для разгона протестовавших зрителей ввели военнослужащих ВВ МВД СССР.

После того матча мы с отцом сразу же отправились на отдых в Боржоми, а дядя Нодар вернулся в Сухуми. Как только хозяева арендованной нами квартиры в Боржоми узнали, что мы были на матче, эта новость разлетелась по курортному городу, и везде, где мы появлялись, к нам тут же подходили с вопросами. Многие слышали об этом из от знакомых или из коротких сообщений западных радиостанций, которые в ночь на 24 июля сообщили «о беспорядках на стадионе в Тбилиси». До сих пор помню, как в центральном парке Боржоми мне полчаса пришлось отвечать на вопросы людей, среди которых, как выяснилось, было и несколько граждан Чехословакии и Польши, находившихся на отдыхе в СССР. Они представились поклонниками футбола и профсоюзными активистами. Всем им я подробно объяснил, что и почему произошло, рассказал о том, что могло быть причиной такого протеста, даже привел примеры притеснений динамовцев Тбилиси в 1950-1960-х годах и объяснил, что таким образом зрители выразили протест против отношения союзных чиновников к Грузии. И тут ко мне подошел пожилой грузин и сказал: «Швило, прошу тебя, будь осторожен, не надо рассказывать об этом, у тебя могут быть неприятности».

Реваз Челебадзе и Тенгиз Пачкория

Он, видимо, имел в виду, что среди отдыхавших могли быть и сотрудники органов безопасности или лица, сотрудничавшие с ними. Впрочем, все обошлось, и никто меня никуда не вызывал. А отец, который пытался отговорить меня от общения с незнакомыми людьми, сказал: «Тенго, тебе повезло, что никто на тебя не наступал».

А через три дня западные радиостанции стали давать аналитические передачи по поводу драматических событий 23 июля. Я был ошарашен – меня, 17-летнего студента, просто поразило, что в передачах «Голоса Америки» и «Свободы» прозвучали точно такие же слова и термины, такие же оценки и факты, которые я использовал, отвечая на вопросы в центральном парке Боржоми – буквально, дословно. Конечно, западные радиостанции черпали информацию из самых разных источников. И все же поневоле закрадывалась мысль, что среди тех, кто слушал меня и задавал мне вопросы, были и те, кто имел возможность передать информацию аккредитованным в Москве корреспондентам западных изданий или посольствам.

А грузинские и всесоюзные издания ничего не написали о событиях в Тбилиси, ограничившись фразой: «Результат матча

опротестован».

Протест «Динамо» Тбилиси тогда не был удовлетворен, но в дальнейшем арбитры избегали такого откровенно необъективного судейства в матчах на стадионах Грузии. А часть коллег уверена: если бы не было протеста зрителей 23 июля 1977 года, то предвзятое отношение к динамовцам Тбилиси продолжилось бы, и в 1978 году ведущая команда Грузии не стала бы чемпионом СССР.

Что стало с Юшка? Вскоре после того матча он до конца 1977 года был отстранен от судейства в чемпионате СССР. Специальная комиссия из Москвы отметила, что «он совершенно правильно не назначил пенальти в ворота «Зари», но вел игру в целом не очень уверенно». С 1978 года всесоюзные спортивные органы как ни в чем не бывало возвратили его в судейство чемпионатов СССР, а в 1984 году Юшка был арбитром ряда матчей чемпионата Европы.

Тбилисские динамовцы в 1977 году стали вице-чемпионами СССР, в 1978-м – чемпионами, в 1979 году – обладателями Кубка СССР. Это была та блестящая команда, костяк которой в 1981 году завоевал Кубок обладателей Кубков европейских стран.

НОВЫЙ УСПЕХ ТЕАТРА «АРИОН»

■ СОБ. ИНФ.

Спектакль «Овод» тбилисского театра-антрепризы «Арион», безусловно, стал событием в культурной жизни города. Инсценировка некогда легендарного, а ныне незаслуженно забытого романа Этель Лилиан Войнич была написана доктором филологии и актрисой Иреной Кескюль, режиссерски воплощена заслуженной артисткой РСО-Алания Светланой Плиевой при поддержке бессменного худрука театра Михаила Айдинова. Финальным результатом масштабной работы режиссера и команды из двенадцати актеров стало красочное действо продолжительностью более двух часов, в котором была разыграна извечная евангельская драма, перенесенная в декорации XIX столетия. Актуальные во все времена темы борьбы за свободу, несбывшейся любви и жертвенности не оставили равнодушными даже

самых искушенных зрителей.

Премьерный показ состоялся на сцене театра Грибоедова, повторный – в театре «На Атонели», и в обоих случаях залы были переполнены. А в августе спектакль «Овод» стал победителем международного конкурса-фестиваля «Golden Time Talent» в Лондоне, заняв первое место в номинации «Театр».

Создатели спектакля рассказали о том, как он создавался и какие эмоции и впечатления оставил в их сознании этот необычный и сложный в исполнении проект.

Михаил Айдинов:

– Спектакль «Овод», как и многие другие спектакли театра «Арион», стал событием в культурной жизни Тбилиси и не только. Рецензии на него написали известные театроведы, литераторы, журналисты из многих стран мира, видевшие

его видеозапись. Более подробно об «Оводе» расскажут мои коллеги, а мне хотелось бы напомнить читателям историю нашего театра. Все началось 17 лет назад со спектакля членов Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион» Ирены Кескюль и Михаила Ананова «Выстрел на Черной речке», посвященного трагической дуэли Пушкина. До «Ванины Ванины» и «Овода» все спектакли ставились по пьесам тбилисских драматургов – членов нашего общества. Ежегодно выпускались спектакли по пьесам Инги Гаручава и Петра Хотяновского («Жанна и костер»), Михаила Пайкина («Гипнотеатр»), Александра Мейпариани («Аромагия любви» и «Я за приматов»), Михаила Ананова («Исчезновение», «Виват, имаджинация!», «Благословение свыше», «Лучший друг»), Ирены Кескюль («Итальянский двор», «Машина времени. Юбилейная сказка», «Духа. Дагны»). В спектаклях наряду с профессиональными актерами и режиссерами принимали участие арионовцы, слушатели курсов журналистского мастерства при Ассоциации русскоязычных журналистов Грузии. Спектак-

ли шли на сценах театра имени А.С. Грибоедова, театра юного зрителя имени Н. Думбадзе, Театра «На Атонели», театра Литературного музея имени Г. Леонидзе, Кавказского дома, Дома композиторов, Дома дружбы. Благодаря поддержке министерства культуры Грузии их увидели жители различных регионов страны. Театр «Арион» стал лауреатом международного фестиваля в Армении «Театральный Лори». Спектакли ставили художественный руководитель Тбилисского армянского театра имени П. Адамяна Армен Баяндурян, режиссеры грузинских театров Тенгиз Авалишвили, Левон Узунян, Анатолий Лобов. Сейчас идет работа над пьесой протоиерея Владимира Александрова о замечательном грузинском поэте Терентии Гранели. А впереди – новые высоты, новые достижения.

Светлана Плиева:

– Я благодарна публике и содружеству артистов, принявших участие в этом, не побоюсь этого слова, грандиозном для нас проекте. Рука об руку, плечо к плечу, душа в душу мы создавали наше детище, посвятив себя без остатка идее делать то, что хочется, как хочется, как видится – не думая о возможностях для реализации. Мы не имели ничего, кроме желания сделать то, что казалось нереальным, невозможным. Мы не имели никакого бюджета, никакой репетиционной площадки, кроме моего дома, который был открыт 24 часа в сутки для нашего счастливого сумасшествия. Имея в запасе два месяца с начала читки и до премьеры, не зная друг друга, и, возможно, от этого знакомясь с особенно широкой улыбкой и размахом объятий, мы смогли подарить, в первую очередь, самим себе все самое лучшее, что было в нас заложено. Любовь, доброта, искренность, щедрость, юмор, слезы лились из нас как из рога изобилия. И если нам – Александру Поляну, Ирене Кескюллер, Эдмону Габедава, Эке Тваури, Араму Арутюняну, Даниилу Лукошкину, Софие Сикоевой, Михаилу Замятину, Сергею Саакяну, Владиславу

Пугачу и Дмитрию Аветисову – удалось вовлечь зрителя в эту нашу историю, если нам удалось сделать ее достоверной и интересной, удалось погрузить зрителя в мир героев романа Войнич «Овод», то я могу сказать только одно – я счастлива. Все рядом с нами зажигалось, срасталось, получалось, открывалось, дарилось, звенело и играло разными красками, как в детском калейдоскопе. Участвовать в этом узоре и наблюдать за ним со стороны было большим для меня везением, приятным потрясением и большим подарком судьбы. Я невероятно благодарна Грибоедовскому театру Тбилиси за подключение к нашим волнам и за предоставленную возможность сыграть премьеру на легендарной сцене Русского театра Грузии. Благодарна за помощь и поддержку нашему вдохновителю и непоколебимо поверившему нам и в нас Михаилу Айдинову. Благодарна Армянскому драматическому театру им. П. Адамяна за готовность помочь с костюмами по задумкам нашего художника, автора инсценировки и артистки Ирены Кескюллер. Да и самой Ирене большое спасибо за наряды, в которые день за днем облачались наши герои, получая их из разных точек мира. Низко кланяюсь нашему артисту Диме Аветисову, подарившему, в прямом смысле, возможность создания мной атмосферных декораций с по-

мощью его LED-экранов и при поддержке фирмы Advertising Group, что во многом предопределило и решение сценографии. Хочу пожелать всем артистам счастливой судьбы и взаимной любви к сцене.

Ирена Кескюллер:

– Для меня идея данной постановки стала определенным вызовом из-за утраченной популярности романа Этель Лилиан. Разумеется, существовали сомнения в том, насколько нынешний зритель примет архаичную историю эпохи Гарибальди, насколько пафос тех времен впишется в концепцию о свободе современного человека. «Овод», равно как и его «приквел» – роман «Сними обувь твою» и роман «Прерванная дружба» о скитаниях героя в Южной Америке, всегда были для меня чем-то большим, нежели литература. За восторженным принятием творчества Войнич в СССР последовало логичное забвение, однако вечные темы продолжают свое существование во все времена, и это подтвердилось успехом спектакля. Я благодарна Михаилу Айдинову за поддержку моего замысла и веру в него. Работа над инсценировкой оказалась сложной и одновременно увлекательной задачей: уместить трилогию в драматургические рамки и не потерять магистральную линию романа, в котором каждый авторский

полунамек образует сюжет. Перед всей командой стояла цель актуализации «Овода» в современной театральной среде через показ истории о Христе (коей и является роман), разворачивающейся в другом веке. Отдельную благодарность хотелось бы выразить режиссеру Светлане Плиевой, которая весь репетиционный период не только «жила» в творческом материале, но и погрузила в него наш актерский состав настолько, что мы еще долго носили в себе наших персонажей. А также ярчайшую атмосферу спектаклю придала сценография ее авторства. Знаковым моментом, на мой взгляд, является то, что режиссером-постановщиком и автором инсценировки выступили женщины, что стало непреднамеренным оммажем в адрес Этель Лилиан Войнич. В данном случае важен был также момент обостренного, чисто женского «прочувствования» произведения; тонкого, вплоть до полутонов, его восприятия. По сути, «Овод» – это прежде всего трагедия отца и сына, отданного, как агнец на заклание, своим отцом; все остальные герои являются в какой-то степени иллюстративными и поддерживающими. Поэтому тандем актеров Эдмона Габедава (кардинал Монтанелли) и Овода (Александр Полян; в юности – Михаил Замятин) был той опорой, вокруг которой

строились остальные образы. Здесь важно было соблюсти баланс между патетическим надрывом текста романа и нынешними тенденциями театра, в которых почти нет места гиперболизации. Структура спектакля к концу репетиций напоминала слаженный механизм, где каждый винт и шестеренка несут свою нагрузку. В этом спектакле не было маленьких ролей, здесь каждый персонаж был важен – цыганка Зита, огненным метеором врывающаяся на сцену (Светлана Плиева), Джемма, во многом списанная с самой Войнич революционерка (Ирена Кескюль; в юности – София Сикоева), палач – полковник Феррари (Дмитрий Аветисов), взбалмошная Джули и светская красавица синьора Грассини (Эка Тваури), английский аристократ Джеймс Бертон (Даниил Лукошкин), как тень следующий за кардиналом причт (Серго Саакян), офицер при исполнении (Владислав Пугач)... Спектакль «Овод», родившийся во многом из творческого хаоса, – это прежде всего история о любви в трех ипостасях: любви к женщине, отцу и родине. И эта любовь, хоть и во многом несбывшаяся, надолго оставляет зрителя в состоянии катарсиса.

«Овод» в постановке театра-антрепризы «Арион» стал не просто очередной премьерой, но культурным явлением, в котором удивительным образом соединились разные пласты – литературная традиция, историческая память, личная страсть создателей и современный зрительский запрос. Здесь нет места случайности: каждая деталь спектакля, от сценографии до музыкального сопровождения, от актерской интонации до режиссерского акцента, работает на единый нерв произведения – трагедию человеческой свободы и жертвенной любви. Важно отметить и тот факт, что постановка появилась именно в Тбилиси – городе, для которого тема духовного сопротивления и поиска истины всегда была органичной. В пространстве этого города «Овод» звучал особенно убедительно, став своеобразным зеркалом и для грузинской культурной традиции, и для сегодняшнего

Ирена Кескюль и Александр Полян

общества, ищущего ответы на вечные вопросы: кто я, во что верю, и ради чего готов жертвовать собой. Успех спектакля на международном конкурсе в Лондоне лишь подтвердил то, что истории, написанные более ста лет назад, продолжают жить и дышать на сцене, если они поданы искренне и с верой. В этом смысле «Арион» совершил настоящий культурный прорыв – не только вернул к жизни роман Войнич, но и доказал, что в театре нет устаревших тем: есть лишь неподлинные или подлинные интерпретации. Сегодня «Овод» уже можно назвать легендой театра «Арион». Эта легенда соткана не из громких слов и эпатажа, а из тонкой, почти интимной работы актеров и режиссера, из веры авторов инсценировки в силу слова и театрального действия. В этой постановке ощущается то, что в XIX веке называли «высокой драмой», а в XX – «театром совести». И именно поэтому спектакль оставляет после себя ощущение не просто культурного события, а встречи с чем-то подлинным, очищающим, катарсическим. «Овод» в театре «Арион» – это не только дань памяти Этель Лилиан Войнич, но и живая история о человеке, его смысле и жертвенности. И пока эта история звучит на сцене, можно быть уверенными – театр выполняет свою высшую миссию: заставлять человека думать, страдать и любить вместе с героями.

Я грузин московского разлива, родился в Тбилиси и, хотя почти всю жизнь живу в Москве, но родиной считаю Грузию. Грузия сформировала меня. Думаю, что и моя долгая жизнь на Земле связана с тем, что я родился в Грузии, с ее особым отношением к людям. В этой стране всегда уважали старших, учителей, и я уважаю. В школе Тбилиси у меня были замечательные учителя, которые навсегда остались в моем сердце. В Тбилиси был прекрасный театр юного зрителя, в котором начинал свой путь Георгий Товстоногов, и все мое детство связано с этим театром – его считаю своим главным учителем... Мое сердце принадлежит двум странам, и разорвать связи Грузии и России невозможно. Тому залогом – могила Грибоедова на горе Мтацминда и имя Багратиона на знаменах русской воинской славы.

Моя мечта – собрать за одним длинным столом с белой скатертью всех друзей и соратников. И чтобы все, невзирая на национальность и разъединение «независимых стран», сдвинули бокалы, вместе спели, заплакали и порадовались.

Марлен ХУЦИЕВ

100

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Варфоломеевская ночь

Имя нарицательное для обозначения внезапной жестокой массовой расправы с беззащитными людьми.

Источник: историческое событие – массовое истребление протестантов-гугенотов, сторонников Реформации, произведенное католиками в Париже в ночь на 24 августа 1572 года, день святого Варфоломея: католики врываются в дома и убивали своих противников прямо в постелях, не щадя ни детей, ни женщин. После Парижа массовые убийства начались и в других городах Франции: за две недели было уничтожено более 30 тысяч человек.

Вверх по лестнице, ведущей вниз

Иносказательное выражение о невозможности достичь цели при неверно выбранных средствах, о действиях, которые, на первый взгляд, изменяют ситуацию к лучшему, а на самом деле только ухудшают положение.

Источник: название романа Бэл Кауфман, внуки Шолом-Алейхема «Up the Down Stair case».

Заглавие возникло из докладной записки начальника административного отдела школы, где преподавала писательница: «Задержан мною за нарушение правил: шел вверх по лестнице, ведущей вниз». Дело в том, что в американских школах, чтобы избежать толчеи и детских травм, по одним лестницам разрешалось только подниматься, по другим – только спускаться.

Вдвойне дает тот, кто дает быстро

Образное выражение о том, что помощь, оказанная в данный момент, ценится больше, чем та, которая приходит с задержкой или опозданием.

С латинского: *Bis dat qui cito dat.*

Источник: парафраз изречения римского писателя Публилия Сира: «Вдвойне оказывает бедному благодеяние тот, кто оказывает его быстро».

Великий комбинатор

Иносказательное выражение о мошеннике и авантюристе, а также о предприимчивом, деловом, изобретательном человеке.

Источник: название главы романа «Золотой теленок» Ильи Ильфа и Евгения Петрова.

Прототипом главного героя романа, великого комбинатора Остапа Бендера стал бесстрашный, решительный и очень остроумный Осип Шор, или Остап, как его звали друзья, – сотрудник Одесского уголовного розыска.

Великий кормчий

Ироническое обозначение вождя, лидера, руководителя.

Источники: «кормчий» – устаревшее производное от слова «корма», обозначает человека, стоящего у кормила (руля) на корме корабля, т.е. рулевого. Иоанн Златоуст в своем сочинении «Беседы на книгу Бытия» «Великим Кормчим» называет Бога. Советская официальная пропаганда так именovala И.В.

Сталина, а затем – Мао Цзэдуна.

Отсюда же возникла и устойчивая метафора – «кормило власти». В постсоветское время, в силу созвучности слов «кормило» и «кормушка», словосочетание употребляется только иронически, равно как и «великий кормчий».

Великое молчащее большинство

Иносказательное выражение о большинстве граждан страны, которые напрямую не участвуют в активной политической деятельности – акциях, митингах и т.д.

С английского: *The Great Silent Majority.*

Источник: выступление по телевидению 37-го президента США Ричарда Никсона в 1969 г., который сказал, что противники войны во Вьетнаме, организуя марши и демонстрации, – это еще не весь народ, и призвал «великое молчащее большинство» поддержать президента.

В ответ противники войны двинулись маршем на Вашингтон с плакатами с изображением Арлингтонского национального кладбища, заполненного крестами, и подписью: «Молчащее большинство». (У античных авторов «присоединиться к большинству» означало «умереть», и в английской литературе «великим» или «молчащим большинством» нередко именovali всех умерших).

Фото: Серго ЭДИШЕРАШВИЛИ

